Г. СКРЕБИЦКИЙ

В ТРЕВОЖНЫЕ ДНИ

ДЕТГИЗ

Г. СКРЕБИЦКИЙ

В ТРЕВОЖНЫЕ ДНИ

РАССКАЗ ОБ МПВО

Рисунки Е. Афанасьевой

НАРКОМПРОС РСФСР
Государственное Издательство Детской Литературы
Москва 1942 Ленинград

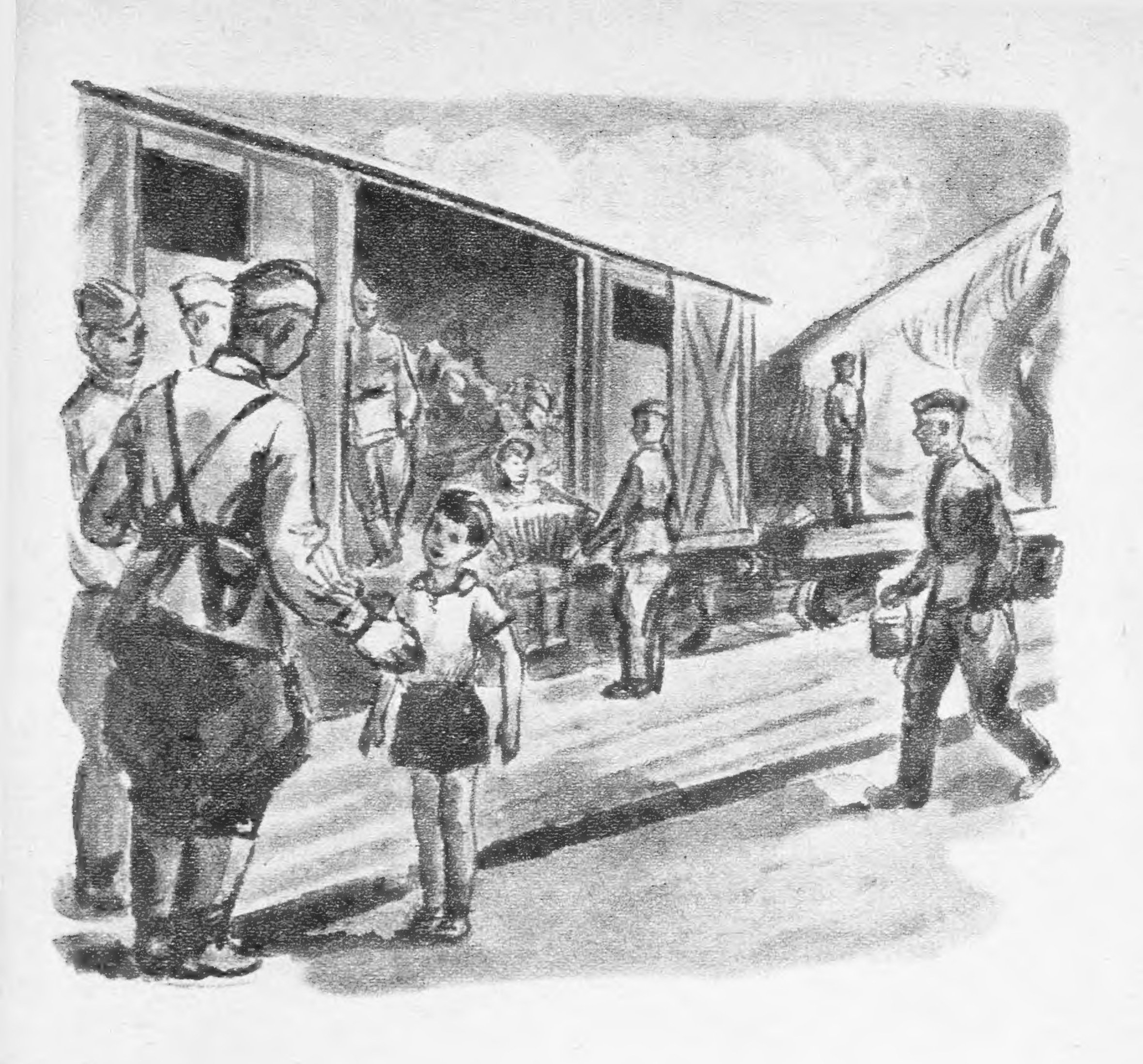
ОГЛАВЛЕНИЕ

ДЛЯ МЛАДШЕГО ВОЗРАСТА

Ответств. редактор *Е. Костромина.* Подписано к печати 13/VIII 1942 г. 4¼ печ. л. (3,22 уч.-изд. л.) 33900 зн. в печ. л. Тираж 75 000 (1—50000) экз. Л75340. Заказ № 2294. Цена 1 р. 20 к.

Фабрика детской книги Детгиза Наркомпроса РСФСР. Москва, Сущевский вал, 49.

ПОЕЗД ОТПРАВЛЯЕТСЯ НА ФРОНТ

Володя с бабушкой жили на даче в деревне.

Когда началась война, бабушка получила от мамы письмо, что Володин папа мобилизован в армию и что она зовет их обратно в Москву.

Бабушка уложила вещи, наняла лошадь до станции, и они уехали.

Пока ехали на лошади, Володя даже жалел, что мало пожили в деревне. Но как только они приехали на станцию, он сразу забыл и деревню, и ребят, и луг, и лес... Он увидел такое, чего еще никогда не видывал.

У станции стоял товарный поезд, но это был не обыкновенный поезд: на открытых платформах находились пушки, автомобили, какие-то серые ящики на колесах, а на одной платформе даже настоящий самолет. Он был похож на огромную птицу.

А в закрытых товарных вагонах сидели военные, очень много военных.

Вдруг где-то совсем близко заиграла музыка, и Володя побежал послушать. Он подбежал к одному из вагонов. В самых дверях, свесив из вагона ноги, рядком сидели бойцы. Один играл на большой гармонике, и все хором пели знакомую Володе песню про трех танкистов.

...Там живут, и песня в том порука,
Нерушимой, крепкою семьей
Три танкиста, три веселых друга,
Экипаж машины боевой...

Володя слушал и думал: «Как бы хорошо поехать в таком поезде вместе с пушками, с самолетами и всю дорогу распевать песни!»

Вдруг кто-то тронул его за плечо. Володя быстро обернулся. Рядом с ним стоял высокий военный.

— Что, нравится? Хорошо поем? — улыбнулся он, глядя на Володю. — Хочешь с нами на фронт ехать?

— Хочу, — почти не подумав, ответил Володя.

— Отлично!

Военный взял Володю подмышки и понес к вагону, где пели.

— Ребята, вот и еще боец... с нами ехать хочет...

— Давай, давай его сюда! — весело закричали из вагона, подхватили Володю и втащили внутрь.

Тут Володя немножко испугался: он вспомнил про бабушку. Наверное, она его всюду ищет и сердится.

— Я только к бабушке сбегаю, — нерешительно сказал он.

— Какая там бабушка! — засмеялись бойцы. — Раз уж пришел к нам, теперь конец — едем на фронт!

В это время раздался гудок, что-то застучало, заскрипело — и вагон медленно тронулся.

Володя с ужасом почувствовал, что он действительно уезжает. Он заплакал и закричал:

— Не хочу, не хочу!.. Где бабушка?..

Но тут его опять подхватили на руки и ссадили на землю.

Мимо Володи медленно потянулись платформы, пушки, автомобили, еще пушки... И снова вагоны с бойцами. Потом поезд пошел все быстрее и быстрее. Вот уж пробежал последний вагон.

Володя смотрел вслед, и ему было обидно, что он не поехал на фронт вместе с этими веселыми, храбрыми людьми.

Только когда поезд совсем скрылся, Володя отправился разыскивать бабушку.

Он нашел ее не сразу среди толпившихся на платформе людей. Бабушка очень сердилась и сказала, что если Володя будет убегать, то она уедет одна, без него, а он может делать, что хочет.

— А я тогда на фронт поеду. Я и так чуть не уехал, — ответил Володя.

— Ну и уезжай, пожалуйста, — сказала бабушка, усаживаясь на лавку, — там ты, наверное, очень нужен.

И она начала развязывать корзинку и доставать оттуда еду.

ВОЕННАЯ КОНДУКТОРША

Вскоре пришел поезд на Москву. Носильщик подхватил вещи, бабушка схватила за рукав Володю и заторопилась к вагону.

— Смотри, бабушка, смотри! — закричал Володя, показывая на кондукторшу.

Что это кондукторша, Володя догадался только потому, что на ней была юбка, курточка с блестящими пуговицами и фуражка. В руке она держала свернутый зеленый флажок. Но голова у кондукторши была совсем как у слона: серая, с морщинистым хоботом.

Хобот залезал в сумку, которая висела у нее сбоку, как будто хотел достать из сумки что-нибудь вкусное. И вдруг Володя понял: да ведь на кондукторше противогаз! Он видел раньше на картинках такие противогазы и вспомнил, что их надевают на войне, когда враги пускают отравляющий газ. «Но ведь здесь не война. Зачем же она так нарядилась?» подумал в недоумении Володя, глядя на кондукторшу.

— Не зевай, пожалуйста, а то поезд уйдет, — сказала бабушка, подталкивая Володю в вагон.

Кондукторша блеснула на них круглыми стеклянными глазами и протянула руку за билетом.

— Зачем она в противогазе? — спросил Володя бабушку, как только они уселись в вагоне.

— Ох, милый, откуда же я знаю? — ответила та. — Значит, так нужно. Теперь всё по-военному.

Володе очень захотелось еще раз взглянуть на военную кондукторшу, и он побежал в конец вагона. Кондукторша стояла у открытого окна. Когда Володя подбежал к ней, она повернула к нему свое страшное лицо и глухим голосом проговорила:

— Боишься меня?

— Нисколько не боюсь, я знаю — это противогаз, — ответил Володя. — А зачем вы в противогазе?

— Это мы готовимся на случай химического нападения, — так же глухо ответила кондукторша, — нужно привыкнуть работать в противогазе.

Она отошла от окна и отправилась к себе в служебное отделение, а Володя остался, раздумывая о том, что такое «химическое нападение» и как же быть, если оно случится, а у него с бабушкой нет противогазов.

КАКОЙ СТАЛА МОСКВА

В Москву приехали уже к ночи. Все засуетились, в вагон вошли носильщики и взяли вещи.

Когда вышли на перрон, Володя удивился: перрон был совершенно темный, только под самой крышей светились маленькие синие лампочки.

— Бабушка, почему так темно? — спросил Володя.

— Не знаю, не знаю! Едем скорее домой, — и бабушка, взяв Володю за руку, пошла вслед за носильщиком.

Фонари не горели. Дома стояли черные, смутно выделяясь на фоне неба. По площади во все стороны бегали огоньки.

Володя сразу даже не понял, что это такое. И только потом разобрал: ведь это у автомобилей вместо больших светлых фонарей горят маленькие фонарики.

Носильщик принес их вещи к остановке такси. Тут уже стояло много народу, и пришлось стать в очередь.

Наконец они уселись в такси. Тут Володе не повезло. Он хотел сесть рядом с шофером, а бабушка почему-то рассердилась:

— Сиди, пожалуйста, где все люди сидят, — и посадила его рядом с собой на сиденье сзади.

Володя стал глядеть в окно. Они ехали по темным, пустынным улицам. В окнах домов огней нигде не было, казалось, что весь город спит мертвым сном.

«А может быть, в этих черных домах никто уже и не живет? — со страхом подумал Володя. — Может, все люди из них давно уехали?.. Ну-ка, и мамы дома нет?..» Володе сделалось тоскливо и жутко.

Вдруг где-то рядом раздался свисток. Их машина остановилась.

Володя видел через стекло, что к шоферу подошел какой-то человек, кажется милиционер. Он стал сердиться, что у них слишком ярко горят фонари. Шофер оправдывался, говорил, что и так еле светится, что он сейчас еще убавит свет, вылез из кабинки, что-то поправил спереди машины, и они поехали дальше.

— Это милиционер такой сердитый? — спросил Володя.

Шофер засмеялся:

— Милиционер! Да только совсем не сердитый. Спасибо предупредил, а другой бы сразу — штраф...

— За что же штраф? — удивился Володя.

— Немножко ярко у нас фары горели, теперь насчет этого строго... затемнение везде...

Володя уже хотел спросить, почему это затемнение, но в это время они повернули в их переулок.

— К какому дому? — спросил шофер.

— Вот к тому, с крылечком, — ответила бабушка, и машина остановилась возле крыльца.

Их дом был тоже совершенно темный. «Вдруг мама куда-нибудь уехала?» снова со страхом подумал Володя.

Шофер помог вынуть вещи из машины, и Володя постучал в дверь. Никто не отворял. Подошла бабушка. Стали звонить и стучать вместе. Потом долго слушали... Но знакомых торопливых шагов не раздавалось. Квартира была пуста.

КУДА ДЕВАЛАСЬ МАМА?

Наконец бабушка вспомнила, что когда все из квартиры уходили, то ключ прятали в щелочку возле двери. Она пошарила там рукой и достала ключ.

Володя с бабушкой вошли в темную квартиру, ощупью нашли штепсель, зажгли электричество.

В квартире было пусто и неуютно. Они внесли с улицы вещи.

— Где же мама? — с беспокойством спросил Володя.

— Ну, вышла куда-нибудь; наверное, сейчас придет, — ответила бабушка.

Вдруг во входную дверь сильно застучали.

— Вот и мама, вот и мама! — закричал Володя и побежал отворять.

Он распахнул дверь и невольно попятился: на крыльце стоял какой-то чужой мужчина.

— Вы что, с ума, что ли, сошли?! — закричал он на Володю. — Вот я сейчас в милицию заявлю.

Володя стоял совершенно растерянный.

— Есть в квартире кто из взрослых? — продолжал возмущаться незнакомец.

— Есть... моя бабушка, — робко ответил Володя.

Мужчина, отстранив Володю, прошел прямо в комнаты.

«Чего он хочет?» в ужасе подумал Володя.

— Гражданка, что вы делаете? — увидя бабушку, так же сердито проговорил вошедший.

— А что я такое делаю? — не поняла бабушка.

Вошедший указал на окна.

— А вы не знаете! Везде затемнение, а от вас свет на всю улицу... Окна-то, окна у вас не завешаны!

Бабушка всплеснула руками:

— Батюшки мои! А я и не знала... Мы ведь только приехали... Только вещи внесли...

Сердитый мужчина сразу подобрел.

— Ну, тогда еще простительно, — сказал он. — Загородите скорее хоть чем-нибудь свет... Дайте я вам помогу окна завесить, а то сейчас на штраф налетите.

— Чем же завешивать-то нужно? — растерялась бабушка.

— Давайте хоть одеяла какие-нибудь, а завтра синие шторы купите, они везде продаются.

Незнакомый мужчина помог хорошенько завесить окна и ушел. На прощанье он сказал:

— Вы еще с улицы поглядите — не просвечивает ли где.

Бабушка с Володей вышли на улицу, поглядели: их окна были такие же темные, как и во всех других домах.

Теперь Володя понял, что в домах внутри, может, совсем и не темно, а только везде очень старательно завешаны окна.

Они с бабушкой вернулись к себе и принялись разбирать вещи. Время шло, давно было пора ложиться спать, а мама все не возвращалась.

Володе стало очень грустно. Он все прислушивался, не зазвонит ли в передней звонок.

Проходя мимо письменного стола, Володя случайно увидел лист белой бумаги; на нем маминой рукой было крупно написано: «Володечка и бабушка! Я мобилизована. Когда приедете, позвоните мне...» Дальше стоял номер телефона.

Володя прочел и, схватив лист, бросился к бабушке:

— Бабушка, бабушка, мама пишет...

Через секунду он уже звонил по телефону.

— Дежурный слушает, — ответили из трубки.

— Позовите маму, это я, Володя. Мы с бабушкой приехали...

— Какую маму? Какой Володя? — удивились в телефоне.

— Скажи: врача Петрову, Анну Васильевну Петрову, а не маму, — сказала бабушка.

Володя повторил.

— Ну, это другое дело... Врача Петрову сейчас позовем.

В трубке что-то щелкнуло и смолкло.

Володя, затаив дыхание, ждал. Вот опять в трубке застучало, защелкало, и Володя услышал мамин голос:

— Володечка, это ты? С тобой мама говорит...

— Мамочка, мамочка, мы приехали, мы в Москве!.. — закричал Володя.

Когда Володя и бабушка поговорили, мама дала свой адрес и сказала, что Володя может завтра же утром к ней забежать.

ГДЕ ЖЕ МАМА РАБОТАЕТ?

На следующий день, как только Володя встал и напился чаю, он сейчас же побежал к маме.

Было раннее утро. Весело светило солнышко, в палисаднике чирикали воробьи. Кругом все было спокойно, как и всегда в ранний утренний час, когда Володя бывало по этой же улице бегал в детский сад.

Володя хорошо знал тот дом, где теперь жила мама. Это была школа. Она помещалась совсем недалеко, всего через два переулка. Володя поглядывал на знакомые дома. Они все такие же, как и до его отъезда в деревню, только почему-то везде на окнах наклеены крест-накрест узкие темные полоски.

«Зачем окна так разукрашены? — подумал Володя. — Наверное, это такой знак, потому что теперь война, — решил он. — Нужно и у нас в квартире устроить военные знаки».

У дверей школы стоял человек в военной форме с противогазом на боку.

Володя спросил:

— Можно мне к маме пройти? — И тут же добавил: — Она доктор, Анна Васильевна Петрова, а я Володя; мы с бабушкой приехали из деревни.

— Ах, это ты Володя? — дружелюбно сказал военный. — Знаю, знаю. Мы ведь с тобой вчера по телефону говорили... — И, обернувшись к двери, он крикнул кому-то: — Товарищ дежурный! Вот тут молодой человек пришел, командира первого взвода спрашивает. Позовите...

— Я не к командиру, я к маме пришел, — сказал Володя. — Мне не нужно командира.

Военный засмеялся.

— Ну, для тебя мама, а для нас товарищ командир.

Володя недоверчиво посмотрел на военного.

На лестнице послышались быстрые шаги, и в дверях показался второй военный. Наверное, это был дежурный.

— Товарищ дневальный, — обратился он к стоявшему у дверей, — командир сейчас на занятиях, — и, повернувшись к Володе, прибавил: — Хочешь посидеть у нас? Командир скоро придет.

— Хочу, — сказал Володя. Вслед за военным он поднялся по широкой лестнице и вошел в большую светлую переднюю.

В это время зазвонил звонок, и дежурный куда-то побежал.

Володя оглядел переднюю. В углу стол, возле стола барьер, а за барьером вешалки для одежды. Но когда Володя взглянул на вешалку, он так и замер от удивления. Ему показалось, что там стоят какие-то желтые и зеленые чучела с широко растопыренными руками. Но тут же он понял, что это вовсе не чучела, а совершенно необыкновенные клеенчатые одежды — сразу вместе и штаны и куртки. Они висели на распялках, широко расставив плечи и оттопырив клеенчатые рукава. А сверху, с полки, где обычно кладут фураж-

ки, глядели на Володю стеклянными глазами большие серые маски.

«Это, наверное, водолазные костюмы, — подумал мальчик. — Где же работает мама? Может, у водолазов? Но что же они делают в Москве?» Так Володя и не понял, в чем дело. За окном вдруг отчаянно зазвонил колокол и послышался шум и крик.

Володя бросился к окну. По двору бежали пожарные, они тащили длинные шланги и поливали из них водой сарай посредине двора.

— Пожар, пожар! — в ужасе завопил Володя и бросился вон из комнаты.

В дверях он чуть не сшиб входящего дежурного.

— Горим! — закричал ему Володя. — Где мама? Мама где?

Дежурный рассмеялся и остановил Володю:

— Ничего, ничего, так уж сразу не сгорим...

Володя с изумлением поглядел на него: что же тут смешного?

— Это учебная тревога, наша пожарная часть упражняется, — сказал дежурный.

Володя сразу успокоился.

— А можно, я пойду погляжу на них? — спросил он.

— Конечно, можно. Вон через ту дверь, прямо на двор. Только смотри, чтобы они тебя нечаянно не ушибли! — крикнул дежурный вслед убегавшему Володе.

МАЛЕНЬКОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ

Во дворе быстро и ловко работали пожарные. Вот один поднял кверху конец рукава. Струя воды взвилась огромным сверкающим фонтаном.

«Что он поливает?» подумал Володя и побежал по двору.

Все пожарные были заняты своим делом и даже не заметили мальчика.

Володя забежал за сарай и поднял глаза вверх.

«Ах, как красиво!» Откуда-то из-за крыши вырывалась струя воды и, описав дугу, падала сверкающим золотым потоком.

Володя стоял на месте, задрав голову. Вдруг фонтан передвинулся и окатил его с головы до ног холодной водой. Володя отскочил в сторону, но было поздно: на нем не осталось ни одной сухой нитки.

«Что ж теперь делать? — растерянно подумал Володя. — Бежать домой переодеться? А вдруг мама опять уйдет и я сегодня не увижу ее?»

Володя стоял в нерешительности. Ему вовсе не было холодно. Яркое солнце уже начало припекать. Володя быстро снял с себя рубашку, выжал ее и повесил на забор.

«А трусы прямо на мне высохнут, — подумал он. — Только бы опять не окатили!» К счастью, фонтана над крышей уже не было. Володя уселся на бревнышке и стал глядеть, как пожарные скатывали шланги на огромные деревянные катушки.

В это время ворота широко распахнулись и во двор, четко отбивая шаг, вошел отряд бойцов. Все они были в противогазах, а на боку у многих висели еще какие-то большие серые сумки с красным крестом. Один военный шел в стороне; наверное, это был командир.

Когда бойцы вошли во двор, командир через противогаз крикнул:

— Взво-о-о-од, стой!

Все разом остановились.

— Снять противогазы, — скомандовал военный и вместе со всеми ловко снял свой.

— Мамочка, мамочка! — закричал Володя и бросился к командиру.

Военные занятия были закончены. Анна Васильевна отпустила бойцов.

— Здравствуй, здравствуй, — говорила она, прижимая Володю к себе. — Почему ты без рубашки? Ты что тут — загораешь, что ли?

— Нет, мамочка, я только немножко выкупался, — смущенно отвечал Володя.

— Где выкупался? — ахнула мама. — Неужели в этой грязной бочке?

— Да нет, я не в бочке, — поспешно ответил Володя и рассказал о пожарных.

— Ну, это не беда, — облегченно вздохнула Анна Васильевна. — Ты у меня всюду поспеешь!

И сняв с забора рубашку, она повела Володю в дом.

Там у мамы была своя отдельная комнатка. В ней было очень хорошо, и на столике возле кровати даже стоял букет цветов.

— Мамочка, какая ты интересная военная, — восторгался Володя, оглядывая мать со всех сторон, — и штаны, и сапоги... совсем как настоящий командир.

— Я и есть настоящий командир, — улыбаясь, отвечала Анна Васильевна.

— А что ты делаешь?

— Работаю. В санитарном взводе МПВО (эмпэвэо).

— Что это такое МПВО? — спросил Володя.

— Это значит — местная противовоздушная оборона. Вот если налетят на город фашистские самолеты, их будут обстреливать наши зенитные пушки и преследовать наши самолеты. Но не всегда удается подбить и прогнать все вражеские самолеты. Те, которые прорвутся, сбрасывают на город бомбы. Тут и начинает работать местная противовоздушная оборона. Мы, санитарные отряды, оказываем помощь раненым, пострадавшим...

— А зачем у вас пожарные здесь? — перебил Володя.

— С самолетов разные бомбы сбрасывают. Одни взрываются и всё разрушают, — это фугасные бомбы, а другие всё поджигают. Они так и называются — зажигательные. Если их не успеют потушить песком или водой, то может быть пожар, и уж тут пожарным работы по горло. Вот наши и упражняются, как нужно быстрее его тушить.

— А почему же у вас в передней водолазные одежды? Разве водолазы тоже в МПВО?

— Да это вовсе не водолазные, — засмеялась Анна Васильевна, — это противохимические одежды — комбинезоны...

— Противохимические? Что же вы в них делаете?

— Погоди, — ответила Анна Васильевна, — сам все увидишь, что мы тут делаем и зачем нужны такие костюмы, а то мне сейчас нужно опять уходить.

При этом известии Володя очень огорчился, но Анна Васильевна его утешила:

— Да, впрочем, я могу и тебя взять с собой на занятия. Хочешь пойти посмотреть?

— Очень, очень хочу! — обрадовался Володя. — А какие это занятия? Военные, да?

— Вот увидишь. Идем скорее, — сказала Анна Васильевна, надевая полевую сумку, — до занятий остается пять минут. Опаздывать у нас не полагается ни на секунду.

ИНТЕРЕСНЫЕ ЗАНЯТИЯ

Анна Васильевна с Володей прошли через двор в большой школьный сад. В саду было очень хорошо: пели птицы, над высокой травой летали бабочки — совсем как в деревне.

— Ну, товарищи, начнем занятия, — сказала Анна Васильевна.

Она указала рукой на небольшое здание в глубине сада.

— Вон тот флигель будет «очагом поражения»; значит, в него попала бомба. Задача нашего медико-санитарного взвода — отыскать там пострадавших, оказать им первую помощь и вынести из очага поражения. Одни из вас будут пострадавшие, а другие окажут им помощь.

Анна Васильевна обратилась к Володе:

— Хочешь, и ты будешь пострадавшим?

Володя с радостью согласился. Он был очень доволен, что будет тоже участвовать в военных занятиях.

Анна Васильевна отобрала еще четырех бойцов,

вынула из полевой сумки блокнот, карандаш и прикрепила к куртке каждому по записочке — у кого какое ранение.

На Володиной было написано: «Перелом правой ноги».

Потом Анна Васильевна приказала командиру отделения отвести всех пятерых во флигель и рассадить в разных комнатах.

Володе сначала показалось, что они играют в новую, очень интересную игру. Но взглянув на серьезные лица бойцов, на то, как они выполняли задание, Володя сразу понял, что это вовсе не забава, а серьезное дело.

Во флигеле командир посадил Володю в угловую комнату.

— Вы, товарищ, ранены в ногу, — еще раз напомнил он, — у вас перелом, так что вы не можете сами двигаться. Сидите здесь и ждите. Вас должны найти и забрать санитары. Поняли?

Командир отделения ушел, оставив Володю одного. Володя сидел и слушал: за стеной в саду раздавались голоса бойцов. Потом по ступенькам флигеля застучали сапоги, и в комнату быстро вошли мама и четверо бойцов-санитаров; двое задних несли сложенные носилки.

Пришедшие сразу увидели Володю.

— Что с вами? Вы ранены? — серьезно, не улыбаясь, спросила мама, подходя к Володе.

— Нога переломана, — так же серьезно ответил Володя.

— Какая нога — правая или левая?

Володя смутился: он забыл, какая нога у него переломлена.

— Не помню, — тихо сказал он.

Анна Васильевна чуть улыбнулась и показала ему глазами на записку. Володя спохватился и прочел.

— Правая нога, правая переломана! — обрадованно закричал он.

— Больной, не волнуйтесь и не кричите, — опять

так же серьезно сказала мама. — Наложите шинки, — приказала она одному из санитаров.

Тот вынул из санитарной сумки две длинные узенькие дощечки и приложил их с двух сторон к правой ноге Володи, а второй санитар крепко прибинтовал их к ноге бинтом.

— Унесите пострадавшего, — приказала Анна Васильевна.

Трое санитаров опустились перед Володей на одно колено и подсунули под него руки: один под голову, другой под спину, третий под ноги.

— Поднять пострадавшего, — скомандовал четвертый.

Володю подняли, и в это время четвертый ловко подсунул под него носилки.

— Опустить пострадавшего.

Володю опустили на носилки; двое понесли, а двое пошли по сторонам носилок.

Когда стали спускаться с лестницы, Володя немножко испугался: сейчас передний конец носилок опустится, и он скатится вниз.

Но шедший впереди боец начал поднимать руки с носилками, другой боец, наоборот, опускал руки так, что носилки остались совершенно ровными, и Володю бережно снесли вниз.

Бойцы вынесли Володю в сад и поставили носилки под дерево.

— Ну, шинки наложили хорошо, и кости скоро срастутся, — сказала, подходя к Володе, мама. — Только ноге нужен покой. Придется полежать недельку-другую...

Володя ахнул:

— Как недельку полежать? Я же ведь не болен! Ни за что не буду лежать!.. — Он готов был расплакаться.

Бойцы кругом засмеялись.

— Не беспокойся, не беспокойся! — улыбнулась Анна Васильевна. — Кончим занятия — можешь бегать.

Володя сразу повеселел и до конца занятий лежал

смирно, наблюдая, как мама с санитарами приносили и перевязывали новых «пострадавших».

МАМА ПОЛУЧИЛА ОТПУСК

Когда занятия кончились, Анна Васильевна отвела Володю в свою комнату и сказала:

— Посиди здесь. Я сейчас схожу и попрошу командира роты: может, по случаю вашего приезда он отпустит меня на вечерок домой.

Мама ушла и сейчас же вернулась обратно, а вместе с ней в комнату вошел военный.

— Ну-ка, ну-ка, покажите вашего молодца, — весело проговорил он, глядя на Володю.

— Поздоровайся, Володечка, — сказала Анна Васильевна. — Это наш командир роты.

Командир погладил Володю по голове.

— Хорош парень, скоро бойцом будет, — и, обратясь к Володе, спросил: — Ты кем будешь, когда вырастешь?

— Я танкистом, — смело глядя на доброго командира, ответил Володя.

— Вот это дело! — одобрил тот. — Ну, а теперь, товарищ танкист, забирай свою маму и веди домой. Завтра воскресенье, так пусть целый день гуляет... за то, что такого молодца вырастила.

Командир, попрощавшись, ушел, а Анна Васильевна с Володей заторопились домой.

По дороге Володя спросил:

— Мама, можно и нам на окна налепить военные знаки?

— Какие знаки? — удивилась Анна Васильевна.

— А вот как везде налеплено, красиво так, — и показал на окна дома, мимо которого они проходили.

Анна Васильевна рассмеялась:

— Какие же это военные знаки: это просто стекла заклеены полосками материи на случай бомбардировки, а то от сотрясения стекла могут разлететься на мелкие кусочки и поранить кого-нибудь.

— А мы будем у себя клеить? — спросил Володя.

— Конечно. Сегодня же заклеим. Еще нужно темные шторы купить и абажуры на лампочки склеить, ведь теперь всюду должно быть затемнение.

— Я уже вчера видел это затемнение, — недовольно заметил Володя. — Вчера, как мы приехали, бабушка зажгла свет, так к нам сейчас же застучали, пришел какой-то человек и сердился на нас с бабушкой, что мы не завесили окна. Ну, а потом он не сердился и сам приколотил нам одеяла на окна. И зачем оно только нужно, это затемнение?

— Очень даже нужно, — ответила Анна Васильевна. — Вот если прилетит ночью вражеский самолет, чтобы он не видел, куда бомбы бросать.

— А все-таки очень плохо... темно так... — недовольно проворчал Володя.

По дороге домой Анна Васильевна с Володей зашли в магазин и купили синей бумаги для абажуров и такие же бумажные шторы для окон.

ВОЛОДЯ УСТРАИВАЕТ СВЕТОМАСКИРОВКУ

После обеда Анна Васильевна достала из корзинки старое черное платье и начала резать из него длинные полоски.

Когда полосы были нарезаны, Володя с мамой развели клей. Потом Володя попросил у бабушки лучинку, намотал на конец кусок тряпки — получилась отличная кисть. Расстелили на полу газету, чтобы не напачкать, на газету положили полоски материи, и Володя принялся усердно намазывать их клеем. Он намазывал и подавал маме, а она, стоя на стуле, приклеивала их к стеклам окон. Полоски были узенькие, ровные. Анна Васильевна клеила аккуратно, и получалось очень красиво.

— Бабушка! Иди посмотри, как хорошо! — закричал Володя.

Бабушка пришла, надела очки, поглядела и сказала:

— Фу, какая гадость! Чего только не придумают... — и пошла в кухню. Но тут ее постигло не-

счастье — наверное, в наказание за то, что она не оценила чужие труды.

Бабушка сделала несколько шагов и остановилась.

— Ну уж и мастер! — невольно рассмеялась она.— Поймал меня, как муху на лист, — по всему полу клей размазал. А я уж перепугалась: не идут ноги да и только.

Заклеив все окна в квартире, Володя с Анной Васильевной сделали из черной бумаги абажурчики и повесили на лампы, чтобы яркий свет не падал прямо в окна.

Когда и это дело было закончено, приступили к самому интересному — развешиванию штор.

Притащили из кухни стол, на него поставили табурет, и Володя живо представил себе, что это корабль, который отправляется в дальнее плавание.

— Матросы, на реи! — командовал он в то время, как Анна Васильевна со шторой, молотком и гвоздями лезла на стол, а оттуда еще выше, на табурет, и прибивала над окнами штору.

Потом ей нужно было попробовать, хорошо ли штора опускается и поднимается.

— Распустить паруса! — отдавал Володя команду.

Штора с легким шуршанием разворачивалась. Из открытого окна налетал летний ветерок, и бумага отдувалась, трепетала, как настоящий парус.

Потом Володя командовал:

— Убрать паруса!

И штора свертывалась трубочкой над окном.

Мама слезала на пол. Раздавалась команда:

— Полный ход!

И стол с табуретом медленно ехал к следующему окну.

ВОСКРЕСНИК

Вечером пришли в гости соседи. Они смотрели, как хорошо Володя с мамой заклеили и завесили окна, как устроили абажуры на лампах. Все хотели и у себя устроить так же и просили Анну Васильевну и Володю их поучить.

Особенно хвалил работу самый деятельный жилец дома, Николай Иванович Усов. Все ребята его знали, любили и потихоньку называли «наш дядя Ус».

Дядя Ус постоянно придумывал что-нибудь очень интересное: то он лез на крышу и ставил антенну для радио, то устраивал для ребят качели и трапецию, а прошлым летом соорудил в пустом дровяном сарае настоящий душ.

Ребята целую неделю не вылезали из сарая. С утра до вечера оттуда слышались визг, хохот, возня, а из-под двери потоками лилась вода, и во дворе образовались целые озера с бухтами и заливами. Солнце искрилось и играло в этих озерах, а заросли крапивы у забора, склоняясь к воде, отражались в ней, как настоящий дремучий лес.

Это было очень красиво, но зато ходить по двору стало почти совершенно невозможно: нужно было перепрыгивать с камня на камень, каждую минуту рискуя утонуть возле собственного крыльца.

Тогда дядя Ус с ребятами принялся устраивать в наиболее опасных местах двора мостики и переправы из камней и досок. Все шло чудесно, пока наконец хозяева соседнего сарая как-то раз не заглянули в него. Они пришли в ужас — все их дрова, которые должны были за лето хорошенько просохнуть, купались и плавали в воде. Соседи побежали жаловаться управдому, и душ был закрыт.

Теперь, глядя на работу Анны Васильевны и Володи, дядя Ус от удовольствия даже потирал руки.

— А что я вам предложу! — неожиданно обратился он к собравшимся. — Давайте-ка завтра же устроим воскресник по обороне нашего дома от воздушного нападения. Слышали, как по радио объявляли?.. Мы об этом еще вчера с управдомом говорили. Уберем хлам из чуланов, с чердаков, чтобы на случай пожара легче было тушить, расставим воду, песок, устроим затемнение по всем правилам. А то у нас кто чем попало окна завешивает. Если дружно взяться, мигом готово будет.

* * *

На следующее утро работа закипела.

Из магазина принесли кучу штор, гвоздей, тесемок, бумаги и стали устраивать затемнение.

Володя хлопотал больше всех. Он показывал, как нужно вырезáть и склеивать бумажные абажуры для лампочек, как привязывать тесемки к шторам, чтобы они поднимались и опускались. Вместе с соседкой, тетей Грушей, он варил клейстер и так старался, что чуть не перевернул на пол кастрюлю. В это время другие ребята с дядей Усом убирали двор. Всем нашлось дело: Анна Васильевна вместе с соседками шили мешочки для песку, а остальные жильцы, захватив лопаты и носилки, отправились на ближайшую новостройку за песком.

Когда принесли песок, его начали тут же рассыпать по мешочкам — так удобнее и легче забрасывать песком зажигательные бомбы. Откуда-то прикатили три пустых бочки для воды, тоже на случай пожара. Одну бочку поставили на дворе у крыльца, другую — на лестнице, а третью — на чердаке.

Наполнили бочки водой, разложили по чердаку и на лестницах мешочки с песком, принялись за уборку чуланов.

— Ну, тут без сражения дело не обойдется, — весело говорил дядя Ус. — Уж с чем, с чем, а с разным хламом наши хозяйки ни за что не расстанутся, доведись хоть до моей...

Анна Васильевна смеялась:

— Держитесь, Николай Иванович! С вашего чулана прямо и начнем. Покажите пример стойкости.

— Уж я-то буду держаться, я-то покажу пример! — шутил дядя Ус.

ЖЕСТОКОЕ СРАЖЕНИЕ

Для уборки чуланов после обеда была выбрана из жильцов дома специальная комиссия во главе с дядей Усом.

Первый от входа чулан принадлежал Усовым.

— Ну, товарищи, я за содержимое не отвечаю, — добродушно улыбаясь, проговорил Николай Иванович. — Каюсь, лет пять туда и не заглядывал. Это уж владение моей супруги.

Сама хозяйка чулана, Пелагея Петровна Усова, встретила комиссию у дверей своих владений.

Она имела вид полководца, собственной грудью защищающего вход в крепость.

— Полюшка, можно, мы тут посмотрим, нет ли у тебя чего-нибудь... ну... лишнего... быстро воспламеняющегося? — невольно робея перед грозной женой, проговорил дядя Ус.

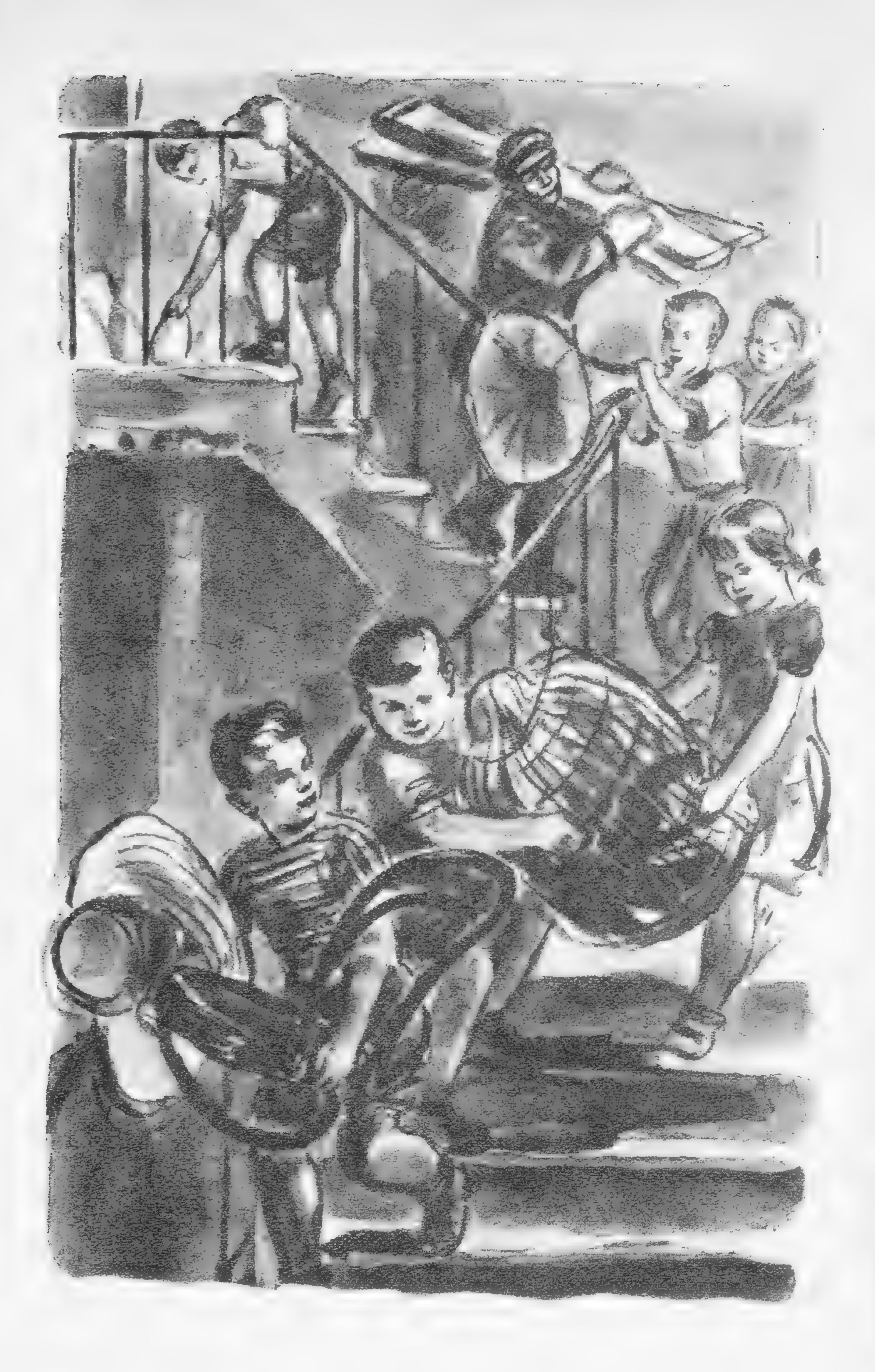
— Смотреть можете, что хотите, а выкидывать ничего не дам. Тут у меня только самое необходимое, — решительно отчеканила Пелагея Петровна и распахнула дверь чулана.

Все невольно ахнули, а Володя даже замер от восхищения и зависти: ведь ни отец, ни мать никогда бы в жизни не разрешили ему собирать и хранить дома такие сокровища. Чего-чего тут только не было! Посреди чулана стоял остов дивана без обивки и даже без пружин.

«Какой бы из него мог выйти отличный корабль!» с завистью подумал Володя.

На диване, как птицы на дереве, сидели безногие стулья. На спинке одного из стульев была надета широкополая соломенная шляпа. Рядом с диваном помещалась изломанная детская коляска, а в ней вместо ребенка, молодцевато подбоченясь погнутыми ручками, восседал дырявый самовар. Вместо крышки на нем была надета зеленая граммофонная труба. С потолка свешивалась огромная соловьиная клетка, вся доверху набитая старыми калошами. Что хранилось в глубине чулана, в темноте определить было невозможно: свет еле проникал через окно, заваленное старыми тетрадями и газетами.

— Матушка моя, что у тебя только хранится! — не выдержав, охнул сам дядя Ус. Обернувшись к членам комиссии, как командир к войску, он скомандовал: — Тащите всё на двор! Железный лом в одну кучу —

в утильсырье сдадим, а всю рухлядь в другую — после сожжем, — и первый ринулся на приступ.

Что тут только началось! В облаках пыли из чулана, как по конвейеру, начали передавать всякий хлам: ломаные стулья, ящики, худые кастрюли, тазы... Все это уносилось и сваливалось кучами во дворе. Пелагея Петровна металась, как наседка, у которой отнимают цыплят. Она уже не сердилась, не требовала, она только молила не выкидывать то одну, то другую рухлядь, уверяя, что именно эта вещь для нее самая необходимая.

— Ну на что тебе это еще понадобилось? — возмущался дядя Ус, вытаскивая из-под вороха пузырьков и старых башмаков худой спасательный круг, из которого сыпались опилки. — Что мы, мореплаватели, на корабле, что ли, живем?

— Оставь, оставь! — в ужасе кричала Пелагея Петровна. — Поедем на дачу, всегда пригодится... купаться... тонуть кто будет...

— Ну, на это есть Общество спасения на водах, — сурово ответил дядя Ус и сам понес злосчастный круг в мусорный ящик.

Мальчишки с сожалением провожали его глазами: «Эх, такую ценность выкидывать!»

В эти минуты они всей душой сочувствовали бедной Пелагее Петровне.

— Делайте, что хотите, — в отчаянии проговорила она, махнула рукой и ушла в кухню готовить обед.

Не прошло и получаса, как чулан был уже почти пуст. Весь утиль сложен в углу двора, поломанные деревянные вещи расколоты на дрова и отнесены к Усовым в дровяной сарай, а уже совсем никуда не годный хлам выкинут в мусорный ящик. Чулан был аккуратно выметен, нужные вещи сложены в уголок, а у двери поставлен ящичек с песком.

Тогда вновь пригласили Пелагею Петровну, чтобы она могла запереть дверь.

Пелагея Петровна вошла в свои опустевшие владения, огляделась, вздохнула и сказала:

— А может, и вправду все это давно было пора

выкинуть? У самой как-то руки не поднимались — все жалко... — Она еще раз огляделась и вдруг повеселела: — А зато как светло стало, просторно, чисто! Я здесь белье сушить буду! — решила она и, совсем успокоившись, заперла дверь на ключ.

А комиссия отправилась к другому чулану.

ОТРЯД «ПРОВОРНЫХ»

На воскреснике ребята так хорошо помогали взрослым, что на другой день дядя Ус, увидя их во дворе, предложил:

— Хотите, организуем свой рабочий отряд? А назовем его... — Он помолчал и сказал: — Отряд ПРОтиво-ВО-здушной... Обороны. Сокращенно — отряд ПРОВО... или отряд проворных! Знаете, как нужно проворно действовать в военной обстановке!

— Верно, верно! Вот хорошо-то! — загалдели в восторге все ребята.

— Тише вы! — крикнул дядя Ус. — Лучше на деле докажите, какие вы проворные. Наладим нашу работу так, чтобы наш дом был образцовым в районе, чтобы по нему все другие равнялись. Согласны?

— Согласны! Согласны! — закричали ребята.

Дядя Ус имел замечательный талант: когда он затевал какое-нибудь дело, у него все принимало особенный, даже таинственный вид.

— Ребята, — сказал он, — разве мы с вами сейчас в доме? Ведь это же старая, заброшенная крепость. Ее нужно срочно привести в боевой вид. Враг уже крадется к нашим стенам. Время не ждет! Дорога каждая минута...

— Что же нам делать?.. Давайте готовиться! — закричали ребята.

— Чердак — вот наше первое неотложное дело, — сказал дядя Ус. — С него и начнем. Ведь во время воздушных налетов на чердаках самые ответственные посты охраны: пожарников и наблюдателей. Значит, не должно быть ничего лишнего там, чтоб ничего не мешало... Случись, пробьет зажигательная бомба кры-

шу, нужно сразу подбежать к ней и потушить либо во двор сбросить. Там на земле ее и потушить легче.

«Проворные» забрались на чердак.

— Вот, — сказал дядя Ус, показывая на заваленный угол, — весь этот хлам, мусор — это не просто хлам, это бочонки с порохом. В них сейчас смертельная опасность. Малейшая искра — все вспыхнет, и дом пропал; да мало того, всякий пожар ночью — это световой сигнал для врага.

— Уберем порох! Тащи его отсюда! — в восторге кричали ребята и волокли с чердака ломаные ящики, стулья и другую рухлядь.

Потом дядя Ус с помощью ребят провел на чердак электричество и ввернул синие лампочки. В дальнем углу чердака, возле слухового окна, из которого был виден весь двор, устроили наблюдательный пожарный пост. Здесь поставили скамью для дежурного пожарника, а возле нее в стену вбили гвозди и пристроили кирку, лом и лопату, брезентовые рукавицы, чтоб не обжечь руки, если понадобится схватить зажигательную бомбу.

Вниз во двор через слуховое окно спускалась проволока с колокольчиком, чтобы дежурный мог в любой момент дать сигнал об опасности.

Каждый день находились все новые и новые неотложные дела, и ребята, помогая взрослым, трудились не покладая рук.

БОМБОУБЕЖИЩЕ

Все военные приготовления были уже сделаны, и дом, как крепость, приведенная в боевую готовность, спокойно ждал неприятеля.

Ребята даже заскучали, не зная, чем бы заняться. Но скучать им долго не пришлось, дядя Ус живо нашел новое занятие.

— А-а, проворные, отдыхаете? — весело приветствовал он ребят. — Пора за работу, живо-живо!

Ребята сразу повеселели.

— А что сегодня делать? Разве еще есть дела? — закричали они, со всех сторон обступая дядю Уса.

— Есть работа, да еще какая! — сказал дядя Ус. — Ну что как начнется бомбежка, куда прятаться будете?

— В бомбоубежище! Вон через два дома!

— То-то, через два дома! — засмеялся дядя Ус. — А свой погреб тут же во дворе пустой совсем. Куда же лучше бомбоубежище: стены из бетона, под землей... — И, сделав строгое лицо, дядя Ус добавил: — Ну, живо у меня! Чтобы в два дня свое бомбоубежище устроить!

Работа снова закипела. Вытащили все из погреба, вымели, вычистили его. Дядя Ус и туда провел электричество. А единственное окошечко снаружи ребята завалили мешками с песком. Потом достали в домоуправлении мелу, кистей и принялись белить стены и потолок. Это была самая веселая работа. Старались во-всю. Целые потоки молочного дождя лились с потолка прямо на головы и на плечи усердным малярам. Но они и не замечали этого.

Когда Володя после работы, усталый и счастливый, прибежал домой, бабушка так и ахнула:

— Что с тобой?! Жбан с молоком опрокинул?

— Ничего не опрокинул, — ответил Володя. — Лучше посмотри, какое мы с дядей Усом бомбоубежище устроили.

Бабушка только рукой махнула:

— Ох, уж этот мне дядя Ус! Хуже маленького. Что еще выдумал: какое-то бомбоубежище... — И она повела Володю переодеваться и мыться.

Через день стены и потолок в погребе подсохли. Тогда дядя Ус с ребятами притащили из домоуправления два старых стола, скамейки, табуретки и все это расставили в своем новом убежище. Сразу стало както по-домашнему, очень уютно. С потолка спускалась электрическая лампочка и ярко освещала чистые выбеленные стены.

Ребята расселись на лавках, любуясь своей работой. Теперь у них в доме было свое бомбоубежище.

В РОТЕ И ДОМА

Почти каждый день Володе удавалось побывать у мамы в роте. И у них тоже было бомбоубежище; но совсем другое, чем в доме: это была глубокая длинная яма, вырытая в саду, закрытая бревнами и засыпанная землей, так что снаружи ее совсем не было заметно. Володя узнал, что такое бомбоубежище называется щелью. Бойцы сами вырыли эту щель, а внутри все устроили, как в доме. Выстлали досками пол и выступы у стен. Они получились совсем как широкие лавки, на которых можно не только сидеть, но и спать. В щель провели электричество, радио и даже телефон. Телефон висел на стене возле входной двери; тут же стоял столик для дежурного. В щели должны были находиться бойцы во время воздушной тревоги, пока их не вызовут на работу в очаг поражения.

Володе тоже хотелось и у себя дома устроить такую же щель, и он очень жалел, что у них во дворе нет для нее места.

Во время своих посещений роты Володя не раз участвовал в занятиях медсанвзвода и даже научился сам делать перевязки.

Как-то бабушка резала хлеб и порезала себе палец. Володя сейчас же достал из шкафчика бинт, потом принес из кухни две лучинки, приложил их к пальцу и стал забинтовывать.

— А палки-то зачем же? — удивилась бабушка.

— Да это вовсе не палки, а шинки, так всегда делают, ты уж не спорь, — сказал Володя. Он намотал на бабушкин палец почти полбинта, потом крепко завязал и сказал: — Хорошо бы еще гипс наложить...

Бабушка даже испугалась.

— Нет уж, пожалуйста, больше ничего не накладывай, и так очень хорошо.

Вечером Володя рассказал об этом маме. Анна Васильевна похвалила его, но только сказала, что шинки накладываются при переломах костей, а не при порезе.

— Да, кстати, очень хорошо, что ты сегодня ко

мне прибежал, — прибавила она. — Хочешь завтра пойти со мной на показательное учение дегазационной роты?

— Хочу, хочу! — радостно закричал Володя. — А что это за рота? Как ты ее назвала?

— Дегазационная, — сказала мама. — Дегазировать значит обезвреживать. Обезвреживать то место, куда попало отравляющее вещество. Помнишь, я тебе говорила про фугасные и зажигательные бомбы?

Володя кивнул головой.

— А есть еще химические бомбы. В них находится отравляющее вещество, или, как его сокращенно называют, ОВ (овэ).

— Я знаю, — сказал Володя, — это такой газ. Его раньше на войне пускали.

— Ну, необязательно газ. Отравляющие вещества бывают разные: и жидкие и в виде дыма. Их обычно узнают по запаху. Но все они очень опасны для человека.

— Почему? — спросил Володя.

— Потому что люди гибнут от них, задыхаются, слепнут. На теле появляются ожоги, нарывы, раны. Вот дегазаторы и обезвреживают ту местность, куда попало отравляющее вещество.

Анна Васильевна помолчала и добавила:

— Поэтому мы и должны быть готовы к химическому нападению... Кстати, на занятиях увидишь, для чего нужны комбинезоны, которые ты принял за водолазные костюмы. Только начнутся занятия ровно в девять часов. В половине девятого ты должен быть у меня. Если проспишь, я ждать тебя не смогу.

Но об этом, пожалуй, Володю не стоило предупреждать: не было еще и восьми часов, когда он прибежал в роту.

Ровно в половине девятого Анна Васильевна с Володей вышли на улицу.

Они свернули в переулок, потом в другой и через открытые ворота вошли в огромный двор. Там уже начались приготовления. Несколько бойцов вбивали

колья и натягивали на них длинную веревку, отгораживая часть двора.

— Это они отгораживают место для публики, — пояснила Анна Васильевна.

— А разве и публика будет? — удивился Володя. — Разве это представление, как в театре?

— Нет, это совсем не представление, — ответила Анна Васильевна. — Бойцы дегазационной роты будут показывать гражданам, как они работают во время химического нападения, чтобы люди заранее всё видели и в момент действительной опасности были к ней готовы. В публике, наверное, будет больше всего из отрядов самозащиты. Им-то необходимо знать, что и как делать при химическом нападении.

— Мама, а зачем боец вон там копает ямку? Вон и второй тоже, — спросил Володя. — Смотри, смотри, — закричал он, дергая Анну Васильевну за рукав, — бойцы стены углем мажут! А вон один на крышу залез и что-то делает, кажется рисует. Для чего это?

— Потерпи немножко, — улыбнулась Анна Васильевна, — сейчас все узнаешь. Только смотри внимательно, не прозевай.

ПОКАЗАТЕЛЬНОЕ УЧЕНИЕ ДЕГАЗАЦИОННОЙ РОТЫ

Анна Васильевна с Володей встали на бугорок у самой веревки. Отсюда было все очень хорошо видно.

Через несколько минут вся отгороженная для зрителей часть двора была полна народу. Мальчишки, чтобы лучше видеть, влезали на деревья и весело перекликались со своих «наблюдательных постов». Из-за облака выглянуло солнце, и сразу все кругом повеселело.

Вдруг в боковые ворота въехал, блестя на солнце, закрытый автомобиль и остановился. Спереди из-под крыши автомобиля торчала черная труба, как рупор громкоговорителя.

— Зачем он сюда приехал? — спросил Володя.

— Это передвижное радио. Там внутри сидит дик-

тор. Он будет объяснять все, что покажут на учении, — ответила Анна Васильевна.

В это время из рупора на весь двор заговорили:

— Товарищи, внимание! Показательное учение дегазационной роты начинается! Бойцы отрядов самозащиты, учитесь, как нужно действовать во время химического нападения. Товарищи, внимание! Объясняем условия, при которых будет происходить показательное учение.

Рупор откашлялся и продолжал:

— В районе данного двора разорвались две химические бомбы. Две ямки, вырытые в земле, это лунки от разрыва бомб. На стенах и крышах окружающих домов углем условно помечены места, куда попало отравляющее вещество, ОВ. Товарищи, внимание! Отряд самозащиты данного дома подает сигнал химической тревоги.

Вдруг где-то совсем близко заколотили в чугунную доску, да так громко, что Володя даже вздрогнул и в испуге поглядел на маму. Та улыбнулась и шепнула:

— Это сигнал химической тревоги. Он всегда так подается, в отличие от сигнала воздушной тревоги. А при воздушной тревоге начинают гудеть фабрики и заводы, выть сирены и по радио объявляют...

Не успела мама досказать, как из рупора опять заговорили:

— Дегазационная рота района получает приказ выехать в очаг поражения. Командир роты высылает химразведку. Разведчики должны определить, какое здесь отравляющее вещество и границы его распространения.

ХИМРАЗВЕДКА ЗА РАБОТОЙ

Анна Васильевна тронула Володю и указала глазами в переулок. Володя обернулся: к воротам шли четыре человека в зеленых комбинезонах, какие Володя уже видел у мамы в роте. На головах — капюшоны, на ногах — резиновые сапоги. Сбоку у каждого висела сумка с противогазом, а с другого боку еще какая-то.

— Это разведчики? — спросил Володя.

Мама кивнула головой.

— Видишь, на них такая одежда и обувь, которая защищает от отравляющих веществ.

Разведчики быстро приближались.

Володя смотрел не отрываясь; ему уже казалось, что это не учение, а все происходит на самом деле. Он опять спросил:

— Мама, а почему же они не надели противогазов? Ведь здесь все отравлено.

Анна Васильевна не успела ответить. Из рупора уже объясняли:

— Химразведчики до тех пор не надевают противогазов, пока не почувствуют запаха ОВ.

Четверо разведчиков подходили все ближе и ближе. Вдруг передний быстро надел противогаз, за ним то же сделали и другие.

Из рупора сказали:

— Разведчики обнаружили запах ОВ.

Войдя во двор, первый разведчик вынул из висевшей на боку сумки коробочку с разноцветными бумажками и поднял ее кверху.

Рупор объяснил:

— Химразведчик поднял прибор для определения характера отравляющего вещества. В воздухе, отравленном ОВ, разноцветные бумажки меняют свой цвет и от различных отравляющих веществ по-разному. Вот сейчас у наших разведчиков желтая бумажка стала фиолетовой. Это значит, что местность отравлена жидким веществом, которое держится очень стойко. Поэтому оно и называется стойким отравляющим веществом. Теперь химразведчики будут узнавать, как далеко вокруг распространилось отравляющее вещество. Видите, они вынимают из сумок другие приборы и, прикладывая их к земле, расходятся в разные стороны. В этих приборах есть такая лента, которая также изменяет свой цвет, если она прикоснется к отравляющему веществу. Там, где лента не изменит цвета, отравляющего вещества уже нет. Вот разведчики дошли до границы распространения ОВ, дальше

ЗАРАЖЕНО

его уже нет. Теперь они обозначат отравленное место, чтобы туда кто-нибудь случайно не зашел.

Химразведчики вынули из сумок маленькие красные флажки на веревке, вроде тех, которые вешают на елку, и, прикрепляя веревку к забору, к кольям, выступам домов, стали огораживать «зараженное» место. В это время к ним подошли еще бойцы в противогазах и комбинезонах. Они принесли высокие металлические треножники с желтыми дощечками. На дощечках было крупно написано: «ЗАРАЖЕНО». Эти треножники расставили у ворот, у крыльца дома — везде, где могли пройти люди.

Рупор объяснил:

— Эти доски оповещают прохожих об опасности. Ночью, когда стемнеет и надписи не будет видно, на треножниках повесят маленькие желтые фонарики.

В это время один из химразведчиков обнаружил выкопанную яму, которая изображала воронку от упавшей бомбы.

Он сейчас же вынул из сумки красный флажок, надел на палочку и воткнул в землю, отмечая это место. Вот он нашел и вторую воронку и тоже отметил ее флажком.

Третий разведчик в это время осматривал стены домов и, найдя на них черные мазки, условные пятна от попавшего на стену ОВ, обводил их мелом и рисовал около них большую белую стрелку, которая указывала на пятно.

Рупор пояснил:

— Химразведчик отмечает места, куда попало ОВ, чтобы потом прибывшие дегазаторы сразу могли найти зараженные места и их обезвредить.

Четвертый разведчик полез на крышу и там тоже начал искать пятна ОВ и отмечать их мелом.

— Товарищи, смотрите, смотрите! — заговорил рупор. — Один из химразведчиков нашел вход в щель. Вот он зовет остальных.

Все четверо мигом собрались у входа в щель и тут же разбежались в разные стороны. Через секунду они уже тащили из незараженных участков двора камни,

поленья, доски. В один миг от входа в щель до конца зараженного участка была устроена деревянная дорожка. Тогда разведчики, выйдя за границу, отмеченную флажками, на незараженное место, начали сыпать из своих ящиков на землю что-то белое. Получилось вроде маленькой белой площадки.

Анна Васильевна сказала Володе:

— Это они сыплют хлорную известь.

— Зачем? — спросил Володя.

— Сейчас увидишь.

В это время разведчики побежали к щели и открыли вход.

— Мамочка, гляди, да там люди сидят! — закричал Володя.

Из щели один за другим начали выходить люди, одетые в противогазы, а те, у кого противогаза не было, закрывали нос и рот платками. Люди по дощечкам прошли через зараженное место.

А рупор продолжал:

— Химразведчики выводят из очага поражения жителей, которые во время воздушной тревоги спрятались в щель. Проведя их через зараженный участок, химразведчики заставляют каждого тщательно вытереть ноги о насыпанную хлорную известь. Известь уничтожает отравляющее вещество, случайно приставшее к подошвам, и не дает разносить его дальше. Все бывшие в очаге поражения ОВ сейчас же направляются в ближайший обмывочный пункт.

ДЕГАЗАТОРЫ

Только что химразведчики успели вывести людей из зараженного участка, во двор с грохотом вкатили два грузовика. На них сидели бойцы в комбинезонах и противогазах.

Рупор объяснил:

— Химразведчики известили штаб, что очаг поражения ОВ ими обследован, и вызвали дегазаторов. Они прибыли и сейчас начнут дегазировать местность хлорной известью.

Из грузовиков, которые медленно двигались по «отравленному участку», во все стороны сыпалось на землю, как из сеялки, что-то белое. Когда один из грузовиков проехал совсем близко от Володи, он пригляделся и удивленно сказал:

— Мама, какая же это известь? Это просто опилки.

Анна Васильевна ответила:

— Конечно, опилки. Ведь это же только учение, здесь ведь нет отравляющего вещества. Зря известь сыпать не надо. Она всю траву выжжет.

Тут же появились дегазаторы с ручными тележками, которые они везли перед собой, а из тележек на землю сыпалось тоже что-то белое. Там, где невозможно было проехать ни грузовику, ни тележке, дегазаторы посыпали белым из ручных приборов вроде носилок. Стены и крыши в тех местах, которые были помазаны углем и обведены мелом, дегазаторы опрыскивали из больших пульверизаторов какой-то жидкостью.

Наконец все было обсыпано и обрызгано, и рупор объявил, что очаг поражения дегазирован.

— Теперь уже конец? Все? — с сожалением спросил Володя.

— Нет, еще не все, — улыбнулась Анна Васильевна. — Сейчас будет то, что ты сам не очень любишь делать: дегазаторы будут мыться.

ПЕРЕДВИЖНОЙ ОБМЫВОЧНЫЙ ПУНКТ — ПОП

Часть бойцов села в автомобили, и рупор сказал, что они поехали в обмывочный пункт; а другая часть осталась.

В это время во двор въехал грузовик, на котором стоял котел. Рупор объявил:

— Прибыл передвижной обмывочный пункт — ПОП.

Грузовик остановился; из него спустили небольшие рельсы, и котел по ним съехал на землю. Затем поставили высокие металлические треножники — ду-

ши. Души соединили с котлом резиновыми трубками, и сразу из всех душей полилась вода.

Возле душей появились люди в фартуках, перчатках и противогазах и начали осторожно раздевать дегазаторов так, чтобы загрязненная отравляющим веществом одежда как-нибудь не коснулась тела бойца. После всего сняли противогазы.

К бойцам подошел врач; он промыл каждому глаза, и бойцы отправились под теплый душ.

Снятую одежду сложили в мешки и погрузили на автомобиль.

Из рупора пояснили, что эту одежду, зараженную ОВ, повезут дегазировать в особую камеру.

Возле душа бойцам была приготовлена чистая одежда.

Они вымылись и переоделись.

— Вот теперь все, — сказала Анна Васильевна Володе.

Дорогой в роту Володя спросил:

— А куда поехали другие бойцы?

Анна Васильевна ответила:

— По сигналу «воздушная тревога» все бани в городе превращаются в обмывочные пункты. Там бойцов или вообще граждан, находившихся в отравленном участке, также обмывают.

— И души там тоже есть? — поинтересовался Володя.

— Конечно, есть, — ответила Анна Васильевна.

— Ну, так, как они — под душем, — я бы тоже хотел мыться, — сказал Володя, — хоть по сто раз в день.

КАК ПОДНИМАЛСЯ АЭРОСТАТ

Наступило тревожное время. Часто вечерами на город налетали фашистские самолеты. Объявлялась воздушная тревога. Прожекторы ловили самолеты в небе, по ним начинали бить наши пушки и пулеметы, уничтожая и отгоняя врагов. Немногим из них удавалось прорваться к городу. Они сбрасывали на мирные

дома фугасные и зажигательные бомбы — сеяли разрушение и смерть.

Детей и стариков увозили — эвакуировали из Москвы. Разъехались многие из Володиных товарищей. Володя и бабушка тоже собирались уезжать. До отъезда оставалось всего два дня.

Сидя у окна, Володя с грустью глядел на знакомый двор, садик позади него. Светило солнце, и было так хорошо, что Володе не сиделось дома. Он сказал бабушке, что сходит на часок к маме, и побежал по знакомой улице.

Вот скоро и мамина школа. Вдруг впереди послышались радостные крики ребят:

— Несут, несут!..

Из-за угла показалось серое чудовище. Оно двигалось покачиваясь, будто переваливаясь. Володя сразу понял, что это воздушный шар, вернее даже не шар, а огромная надутая колбаса. Люди, которые ее несли, казались ногами чудовища, как будто у него было несколько пар ног.

У Володи загорелись глаза от этого невиданного зрелища.

— Куда несут? — спросил он пробегавшего мимо мальчика.

— На бульвар... там аэростат еще больше... сейчас подымать будут... Бежим вместе!

— Бежим, — ответил Володя, и они пустились догонять колбасу.

— Тебя как зовут? — спросил Володю новый товарищ.

— Меня? Володя.

— А меня Коля. Я уж сто раз видел, как аэростаты поднимают. Этот поднимать не будут, это не аэростат, это запасной, — кивнул он в сторону колбасы, — в нем запасной газ, а аэростат на бульваре, он еще больше.

На бульваре действительно находился аэростат.

Он не был похож на колбасу — остроносый, с широким хвостом вроде плавников, совсем как огромная

рыба. И был он не просто серый, а весь серебристый, блестящий.

— Какой красивый! — обрадовался Володя.

— Я тебе говорил! Уж я знаю, — ответил Коля. — Не первый раз вижу!

Володя с невольной завистью взглянул на нового товарища. Коля имел боевой вид: коренастый, широкоплечий, в клетчатой ковбойке с засученными рукавами, а на затылок сдвинута пестрая тюбетейка.

— Тебе сколько лет? — спросил Володя.

— Мне? Уж десятый пошел. А тебе?

Володя хотел прибавить, но постеснялся.

— Мне только восемь... Как ты все знаешь... — добавил он.

— Поживи с мое, и ты будешь знать, — ответил Коля. Вдруг он дернул Володю за руку и закричал: — Гляди, гляди, поднимается!

Аэростат медленно выползал из-за вершин деревьев.

Вот он уже поднялся выше деревьев. На бульваре под ним копошились люди. Они постепенно отпускали сдерживающий канат, и огромный воздушный корабль, словно покачиваясь на волнах, уплывал в синее вечернее небо.

Володя и Коля, задрав кверху головы, смотрели на него. С каждой секундой он становился все меньше, все темнее, будто и вправду уплывал в синюю морскую даль.

И вдруг оба мальчика разом вскрикнули. Поднявшийся уже высоко темный корпус аэростата разом весь вспыхнул и засверкал, засветился розовым светом.

Секунду ребята даже не могли понять, что случилось.

— Да это солнце... там ведь еще солнце светит! — догадавшись, радостно крикнул Коля. — Понимаешь, вот его и осветило.

— Правда, правда... А как хорошо! — не отрывая глаз от уплывающего розового корабля, проговорил

Володя и, вздохнув, добавил: — Вот бы туда подняться!

— Я, когда вырасту, обязательно буду летчиком, — сказал Коля. — Еще выше летать буду.

Володя все глядел на розовый аэростат.

— А хочешь, я тебе пушку покажу? — обернувшись к нему, неожиданно предложил Коля.

Володе было совестно сознаться, что ему уже пора бы домой, что, может, и бабушка начала беспокоиться. Он боялся — вдруг Коля будет над ним смеяться, и потому сказал:

— Ну, пошли!

ВОЛОДЯ ТЕРЯЕТ ТОВАРИЩА

Мальчики побежали по бульвару, потом перешли площадь. Вот и сквер. Они заглянули через ограду.

— Видишь, вон она рядом с деревом, а вот и ящики... там снаряды, — заговорил Коля, показывая рукой.

И правда, посреди отгороженной части сквера стояла, подняв жерло кверху, настоящая пушка. Около пушки ходил какой-то военный, наверное часовой, а поодаль еще двое военных что-то делали, сидя на земле около входа в щель. Щель была вырыта в углу сквера.

— Вот из таких пушек и палят по фашистским самолетам. Это зенитка, — сказал Коля. — Как начнут стрелять, снаряды рвутся в небе, а осколки так на землю и сыплются. Могут убить человека. Тут уж не зевай, прячься. Гляди-ка, гляди, — толкнул он Володю, — вон еще поднимается.

Володя поглядел. Позади сквера, где стояла пушка, поднимался другой аэростат.

— Совсем как корабль! — воскликнул Володя.

— Ну, корабль, да не совсем, — ответил Коля. — Вот дирижабль — это настоящий воздушный корабль, на нем куда хочешь улететь можно, а этот только кверху поднимается. Он ведь на канате привязан. На одном месте в воздухе стоит.

— Для чего же он нужен? — спросил Володя.

— А для того, чтобы фашистские самолеты низко не спускались. А спустится ночью, впотьмах живо на аэростат наткнется или за канат зацепится. Тут ему и конец. Ведь к ночи над Москвой целая туча аэростатов...

Коля не успел договорить. Прерывая его слова, неожиданно раздался протяжный вой сирены, ей отозвались десятки, сотни таких же тоскливых голосов. Казалось, сразу весь город наполнился ревущими и воющими чудовищами.

А кругом по улице бежали люди, торопились, и все поминутно глядели вверх на небо и повторяли одно и то же:

— Тревога! Воздушная тревога!

— Бежим скорей! Воздушная тревога! — крикнул Коля и пустился вперед.

Володя бросился за ним. Он еле поспевал за товарищем. Вот Коля перебежал улицу перед стоявшим трамваем. Володя остановился: мама всегда твердила, чтобы он никогда не перебегал перед трамваем. Но трамвай почему-то долго не трогался. Володя удивился, увидев, что и другие трамваи тоже стояли. А вот и троллейбус остановился. Может быть, тока нет?

Но тут же Володя услышал, как двое мужчин, проходя мимо, говорили между собой:

— Теперь не доехать до дому. В тревогу весь транспорт останавливается...

Так вот почему стоит трамвай! Володя спохватился, перебежал трамвайную линию и пустился догонять товарища, но тот уже пропал в толпе.

Володе сделалось не по себе и даже страшновато. Гудки уже перестали реветь, наступила какая-то странная, зловещая тишина. Не было обычного шума трамваев и троллейбусов. По тротуарам спешили примолкнувшие люди, зато мостовая совсем опустела. Только изредка, давая частые тревожные сигналы, проносилась какая-нибудь машина и исчезала за поворотом.

У ворот стояли дежурные с противогазами на боку. Один из них крикнул Володе:

— Мальчик, в тревогу нельзя бегать! Иди к нам в убежище.

Но Володя не остановился.

«Побегу к маме, — подумал он, — тут через площадь совсем близко». И пустился бежать обратно к площади.

БАБУШКА ВСТРЕВОЖЕНА

Когда начало темнеть, бабушка включила электрическую плитку и поставила на нее чайник.

«Что это Володя так долго не идет? — подумала она. — Может, Аню опять отпустят домой... Верно, вместе попозже придут...»

В это время в прихожей позвонили.

«А вот и он», подумала бабушка и пошла отпирать дверь.

Но это был не Володя, а старушка-соседка. Она пришла проведать бабушку.

Бабушка обрадовалась. Обе старушки уселись к окну и стали разговаривать. Вскипел чайник, и бабушка с гостьей уже собирались садиться пить чай, когда вдруг услышали из другой комнаты радио.

— Граждане, воздушная тревога, граждане, воздушная тревога... — громко и четко говорило радио.

— Тревога! — сказала бабушка.

Голос в радио замолк, и вместо него раздался протяжный вой сирены.

— Вот страх-то! Уж дожили!.. — проговорила соседка.

— Где же мой Володечка? — забеспокоилась бабушка. — Ушел на полчасика к матери, а второй час его нет.

— Да ведь Анна Васильевна совсем рядом, — успокаивала соседка, — за пять минут добежать можно. А уж мы с вами в наше бомбоубежище спустимся.

— Ой нет, вы идите, а я его здесь подожду, — не успокаивалась бабушка.

Прошло пять и десять минут, соседка ушла, а Володя все не приходил.

В передней постучали.

— Наконец-то заявился! — обрадовалась бабушка и заторопилась в переднюю.

Но это был дядя Ус. Вид он имел совсем необычный: на голове пожарная каска, пиджак подпоясан ремнем, за поясом пожарные брезентовые рукавицы, а сбоку противогаз.

— Что же вы тут сидите? Идите скорее в бомбоубежище, — сказал он.

— Да куда же я пойду? — отвечала бабушка. — Я Володю жду... убежал к матери, и нет его...

— Ну, сейчас ждать нечего: по улицам в тревогу не пускают, живо отведут в убежище, — возразил дядя Ус. — А если он все-таки прибежит, я сейчас же его к вам приведу.

Вдруг на улице что-то грохнуло, задребезжали окна.

— Палить начинают наши зенитки. Идите, идите скорее! — заторопил дядя Ус.

Бабушка выключила плитку.

— Ох, я бы лучше здесь Володеньку подождала, — вздохнула она.

— Нельзя, нельзя, — ответил дядя Ус.

Опять загремел орудийный выстрел, второй, третий... Где-то совсем близко застучал пулемет.

Когда стрельба стихла, дядя Ус проводил бабушку в убежище, а сам отправился на пожарный пост.

НА ПОСТУ

Дядя Ус поднялся на чердак. Здесь было темно и неприветливо. Тускло светили с потолка две синие электрические лампочки, прикрытые сверху и с боков черными бумажными колпачками.

Стараясь не удариться головой о балки, дядя Ус прошел на свой наблюдательный пост. Он сел на лавочку и выглянул в слуховое окно.

Уже смеркалось. За окошком, как живые, шевелились, шурша листвой, ветви старого тополя, а дальше поблескивали крыши соседних домов. В потемневшем небе кое-где засветились звезды.

Налетел ветерок, плеснул в лицо свежей тополевой горечью. Было совсем тихо. И дядя Ус невольно задумался.

Вдруг до него донесся какой-то гул. Все громче, громче. На фоне неба между ветвей показалась темная точка. С зловещим гулом она неслась прямо на его дом.

Дядя Ус едва успел отскочить от окна.

Что-то звонко шлепнулось рядом с ним. Переводя дух, дядя Ус нагнулся и невольно расхохотался: «Вот так снаряд!» Большой черный жук, топорща усы, важно полз по лавке.

Дядя Ус бережно взял его и, высунувшись из окна, посадил на край крыши.

— Лети, лети! Зря только людей пугаешь!

Жук распустил крылышки и вдруг, будто заведя свой крохотный мотор, загудел и полетел прочь.

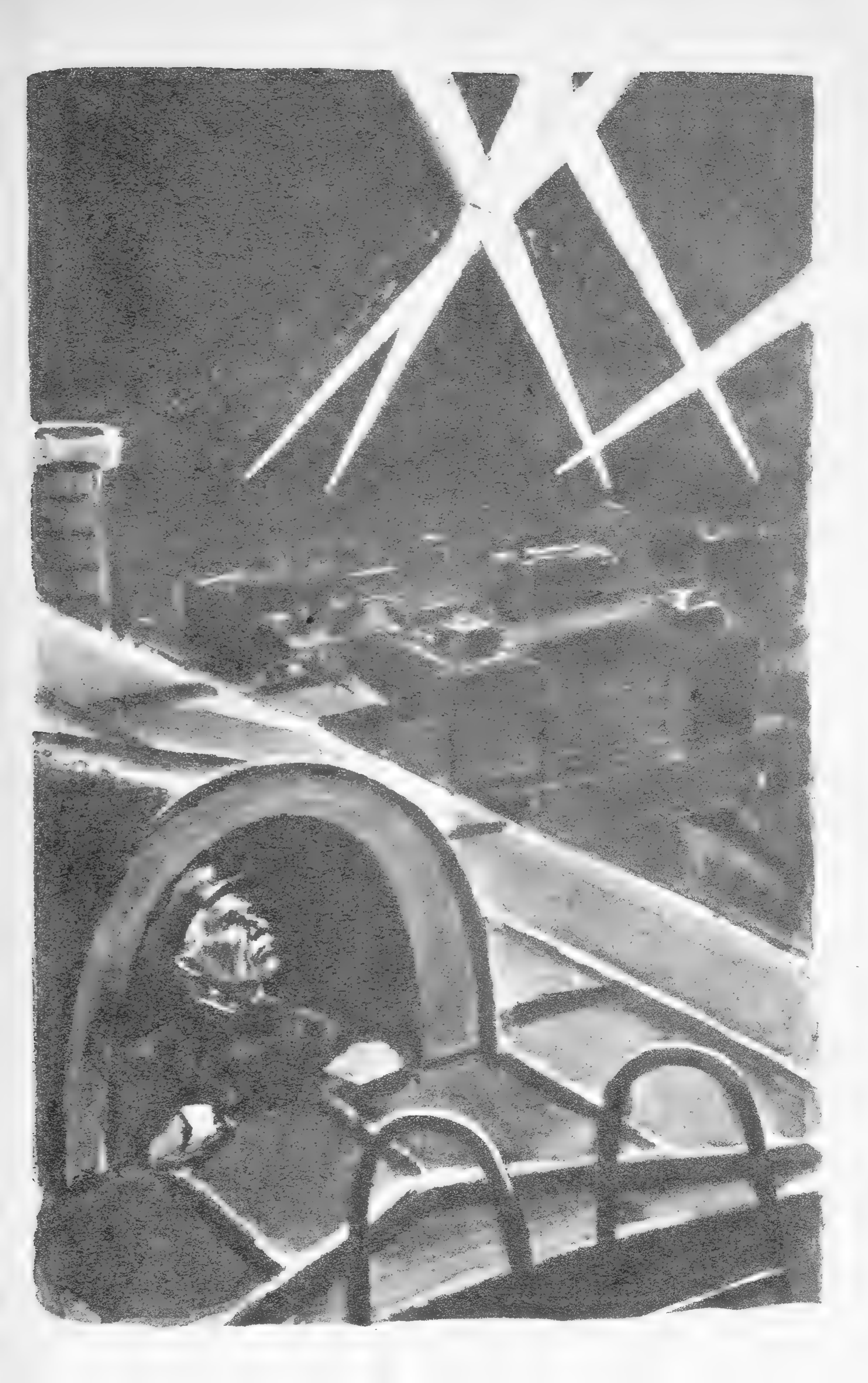
«Вот уж верно: от страху муха со слона покажется», улыбнулся дядя Ус, садясь снова на лавочку.

Прошло около часу. Нигде не стреляли. «Наверное, сейчас отбой объявят», подумал дядя Ус. Но в это время где-то далеко загремел выстрел... еще и еще...

— Ну, опять начали! — проворчал дядя Ус и выглянул в окно.

На краю неба, как звездочки, поминутно вспыхивали и гасли разрывы снарядов. Вдруг широкий голубой луч прорезал темноту, задвигался, заходил по небу, упираясь в облака и образуя на них белый светящийся кружок. Это прожектор искал в облаках вражеские самолеты. А вот и второй луч, третий, четвертый... В один миг темное небо будто разрезали на куски голубые полосы света.

Стрельба усилилась. Золотые мячики от рвущихся снарядов вспыхивали по всему небу. Вот что-то засвистело в воздухе и звонко шлепнулось на мостовую, щелкнуло по крыше и опять по мостовой. Это падали

осколки снарядов. Один осколок ударился о крышу возле самого окошка и покатился вниз.

Вдруг среди грохота стрельбы дядя Ус ясно услышал глухой зловещий гул мотора. Дядя Ус впился глазами в небо, стараясь разглядеть вражеский самолет, но в темноте он ничего не увидел.

Вот опять вспыхнуло прямо над головой. Но почему же не гаснет? Нет, это не снаряд разорвался. Вспыхнувшая в небе звездочка не только не гасла, а с каждой секундой все увеличивалась, росла, превращалась в огненный светящийся шар. Кругом сделалось совсем светло. Только свет был какой-то тревожный, будто зарево огромного пожара.

Это из-за облаков с вражеского самолета бросили осветительную ракету. И в тот же миг с разных сторон застучали пулеметы, и в небо, будто фейерверки, полетели разноцветные огоньки: зеленые, красные, желтые. Они вспыхивали и гасли, неслись друг за другом вверх. Это были трассирующие пули. Они указывали зенитчикам, правильно ли взят прицел.

Разноцветные огоньки устремились к горящему в небе шару. Разбить ракету, не дать врагу высмотреть объекты бомбардировки!

В следующий миг огненный шар вспыхнул еще ярче, разлетелся на сотни золотых брызг и погас. Вновь стало темно.

Стрельба орудий не прекращалась. Враг был где-то совсем близко. Осколки непрерывно стучали по крышам и мостовой.

Вдруг что-то засвистело особенно громко, стукнулось об асфальт двора, еще и еще... «Зажигалки бросает!» подумал дядя Ус и выглянул из окна.

Внизу в разных концах двора горело, слышались крики:

— Песку давай, засыпай!.. Так ее!

— Молодцы, ребята! Хорошо ту́шите! — крикнул дядя Ус.

Не успел он похвалить пожарных, как ударило в крышу.

Дядя Ус обернулся. На дальнем конце крыши вспыхнул огонь.

«Еще зажигалка... пожар...» В один миг дядя Ус выскочил через окно наружу.

Над головой попрежнему поминутно вспыхивали, рвались снаряды, летели осколки... Каждый из них нес ранение, смерть... Но дядя Ус не думал об этом. Он спешил к горящей бомбе. Скорее сбросить ее на землю, погасить...

Цепляясь руками и ногами за покатую крышу, дядя Ус полз к самому краю.

«Не оборваться бы, — мелькнула мысль, — тогда все пропало, разобьюсь... и дом сгорит...»

Вот он совсем близко, всего каких-нибудь пять-шесть шагов до горящей бомбы. Она впилась во что-то... застряла, торчит, как большая сигара... Нижний конец ее полыхает огнем... Скорее, скорее, только бы не загорелись балки...

Еще немного, и можно дотянуться рукой. Дядя Ус сделал последнее усилие, и в тот же миг что-то больно ударило его в руку. Он вскрикнул, схватился за раненую руку и, не удержавшись на покатой крыше, медленно пополз вниз.

Он сейчас же опомнился и, превозмогая боль, старался здоровой рукой ухватиться за что-нибудь, но рука в темноте беспомощно скользила по гладкому железу крыши. Вот и край... У дяди Уса захватило дух. Он невольно сжался, будто готовясь к прыжку.

«Ну, конец! — мелькнула мысль. — Падаю...» Но тут он вдруг почувствовал, что остановился.

Не раздумывая ни секунды, дядя Ус собрал остаток сил, потянулся вперед, схватил рукавицей горящую бомбу и швырнул во двор.

Он слышал, как она стукнулась о камни, как внизу сейчас же закричали:

— Бери лопатой! В бочку ее!.. Вот и конец!

Дядя Ус перевел дух. Главное сделано — дом спасен. Но как же выбраться самому? Рука не действовала. Он позвал на помощь, но внизу дежурные, увлеченные тушением бомбы, шумели и не слышали

его зова. А потушив бомбу, снова спрятались в укрытие.

Дядя Ус попытался двинуться и не смог. Острая боль в руке мешала определить, что его держит. Наконец он кое-как нащупал. Его пиджак зацепился за какой-то костыль или болт, от которого тянулась проволока. «Да ведь это же блок, блок от его собственной сигнализации, которую он сам провел с чердака в укрытие к дежурным».

Дядя Ус несколько раз дернул за проволоку.

Внизу послышались торопливые шаги, кто-то закричал:

— Что такое? Что случилось?

— Скорее сюда! — крикнул дядя Ус. — Тащите веревку! Я не могу сам выбраться.

— Сейчас, сейчас! — ответили снизу, и кто-то опрометью бросился вверх по чердачной лестнице.

Через несколько минут дядю Уса, обмотанного веревкой, втащили через слуховое окно на чердак.

ОЧАГ ПОРАЖЕНИЯ

По сигналу воздушной тревоги Анна Васильевна со своим взводом спустилась в щель.

С улицы доносился грохот орудийных выстрелов. Бойцы сидели на лавках, тихо переговаривались. Когда стрельба усиливалась, все смолкали и невольно прислушивались. Так прошел весь вечер.

Вдруг зазвонил телефон.

Анна Васильевна сняла трубку.

— Товарищ комвзвод, немедленно выезжайте с отрядом в очаг поражения: фугасной бомбой разрушен дом. Запишите адрес.

Через минуту бойцы медсанвзвода, надев каски и взяв санитарные сумки и носилки, уже выходили из щели.

На дворе была уже ночь. Но какой-то тревожный свет освещал все предметы. Анна Васильевна взглянула на небо. «Как красиво!» подумала она.

Черное ночное небо было все исчерчено яркими

лучами прожекторов. Они двигались, то перекрещиваясь, то вновь расходясь. По временам гулко раздавались орудийные выстрелы.

Во дворе заворчал грузовик. Вынырнувший из темноты боец доложил, что машина готова.

Бойцы быстро влезли в кузов грузовика. Анна Васильевна села в кабину рядом с шофером, и машина, ворча и фыркая, осторожно двинулась по улице.

Было что-то жуткое и грозное в настороженной тишине, прерываемой грохотом выстрелов; в мертвой пустоте улиц казалось, что за каждым углом, за каждым черным выступом дома притаился враг.

Грузовик проехал пустынную улицу, свернул в переулок. Весь переулок был ярко освещен красным зловещим светом. Горело какое-то здание. Возле него двигались и шумели люди. Это пожарные боролись с огнем.

Грузовик остановился. Бойцы в один миг выбрались из кузова и, построившись, ждали приказания.

Анна Васильевна тоже выскочила из кабинки, огляделась. Вся мостовая и тротуар были засыпаны битым стеклом, обломками балок, кирпичами — следами страшного разрушения от взрыва бомбы.

Разделив взвод на три отделения, Анна Васильевна направила два из них в соседние дома — осмотреть, нет ли там пострадавших, а сама с третьим отделением пошла к горящему дому.

Оказалось, что горит не само здание, куда попала фугасная бомба, а деревянная пристройка. Пожарные уже облазили это помещение, но пострадавших там не обнаружили.

Тогда Анна Васильевна с бойцами быстро направилась в разрушенное бомбой здание.

Часть стены развалилась, образовалось огромное отверстие. Из развалин высовывались погнутые концы железных балок. Казалось, какое-то чудовище открыло черную пасть, и из нее торчат кривые страшные зубы.

Анна Васильевна с бойцами пробрались через отверстие внутрь здания. Тут было совсем темно. Она

вынула из кармана электрический фонарик и осветила.

Они находились в каком-то коридоре. Весь пол был засыпан, как снегом, обвалившейся штукатуркой; со стен свешивались куски оборванных обоев; двери, выходившие в коридор, были широко распахнуты, некоторые, повиснув на петлях, загораживали проход.

Анна Васильевна с бойцами быстро прошла по коридору, вышла на черный ход. Из-под груды балок и кирпичей виднелись ступеньки. Лестница вела куда-то вниз, очевидно в подвал.

— Может, там бомбоубежище? Нет ли в нем кого? — сказала Анна Васильевна и, наклонившись, закричала: — Есть кто-нибудь? Отзовитесь!

Но снизу никто не отозвался.

— Никого нет, — сказала Анна Васильевна. — А может, где-нибудь далеко сидят, не слышат; нужно проверить. Ну-ка, товарищи, — обратилась она к бойцам, — разберите немножко вот эти обломки. Я попробую слазить в подвал.

Бойцы начали оттаскивать обломки досок, разгребать кирпич и штукатурку.

Скоро образовалось отверстие, в которое с трудом можно было пролезть.

— Хватит, — сказала Анна Васильевна. — Ждите меня здесь. — И она нагнулась, чтобы пролезть в дыру.

— Товарищ командир! — сказал один из бойцов.— Дозвольте мне слазить, а вы бы здесь остались...

— Почему? — удивилась Анна Васильевна.

Боец на минуту замялся.

— Неловко как-то... Неравно завалится все, там и останетесь... Все-таки ваше дело женское, а мы, мужчины, что же, глядеть тут будем?

— Ничего, ничего, товарищ, — улыбнулась Анна Васильевна. — Я скорее вас пролезу. — И она, ловко пригнувшись, шмыгнула в щель, под развалины стены.

Ступеньки шли круто вниз. Карманный фонарь освещал узкий проход. Казалось, что лестница спускается куда-то в пещеру. Слабый свет фонаря озарял

выступы обвалившихся стен. Они громоздились над самой лестницей, грозя каждую секунду обрушиться и придавить того, кто осмелится разгуливать под ними.

Кругом было тихо, как в настоящем подземелье. Только откуда-то сверху, будто раскаты далекого грома, иногда доносились орудийные залпы, и тогда нависшие над головой каменные развалины едва заметно вздрагивали.

Вдруг раздался особенно сильный грохот. Все кругом задрожало, заколебалось, послышался зловещий хруст. На голову Анне Васильевне посыпался щебень. Она быстро взглянула вверх и в ужасе застыла: часть стены, нависшая прямо над ней, медленно поползла вниз.

Анна Васильевна упала на ступеньки.

«Конец... всему конец... — мелькнула мысль. — Володечка мой!..»

Но прошла секунда, другая... Анна Васильевна со страхом опять взглянула вверх. Навалившись на выступы балок, каменная громада висела неподвижно. Казалось, достаточно было малейшего толчка, чтобы вся эта тяжесть не удержалась и рухнула.

«Наверх, скорее наверх!» подумала Анна Васильевна и уж хотела подняться, но в этот миг до ее слуха донесся слабый крик... Неужели ей это показалось? Она прислушалась. Нет, опять... Да, теперь не было сомнения: откуда-то снизу кричали люди.

«Значит, там действительно бомбоубежище и в нем люди. Может, есть и раненые, нужно помочь». И, не раздумывая, Анна Васильевна начала снова спускаться вниз.

Вот и конец лестницы, дальше — узкий длинный подвал. Здесь бомба ничего не разрушила. Анна Васильевна побежала вперед. Теперь она уже ясно слышала стук и крики.

В конце подвала она увидела тяжелую, обитую железом дверь. За дверью были люди. Они не могли выйти — кричали, молили о помощи.

Анна Васильевна ухватилась за скобку двери и изо всех сил потянула. Дверь не подавалась.

Анна Васильевна поняла: от взрыва бомбы весь дом осел и придавил дверь. Тогда она закричала:

— Товарищи, будьте спокойны! Сейчас откроем...

В ответ из-за двери послышались радостные голоса:

— Мы живы, живы! Откройте дверь! Запасный выход тоже не открывается.

— Сейчас откроем!.. — опять закричала Анна Васильевна. — Есть у вас раненые, убитые?

— Нет, нет, все здоровы... Откройте скорее...

Анна Васильевна объяснила, что придавлена дверь.

— Сейчас пришлю ее взломать. — И она побежала обратно.

Вот и лестница. Скорее, скорее наверх! Теперь только бы выбраться отсюда и скорее прислать помощь! Анна Васильевна чувствовала, что должна это сделать во что бы то ни стало. Ведь там внизу люди ждут освобождения...

Обрушившиеся стены сползли еще ниже, теперь они почти совсем сдавили проход. Дом оседал.

Анна Васильевна уже не могла итти по лестнице даже согнувшись. Местами ей пришлось проползать под самыми развалинами, и ее охватывало чувство ужаса, что вот-вот эти каменные клещи сожмутся и раздавят ее...

Наконец над головой показалось черное отверстие выхода.

— Гляди, фонарь! Наш командир вернулся! — услышала она сверху радостные голоса бойцов.

Анна Васильевна высунулась из каменной щели. Сильные руки бойцов подхватили ее и вытащили наружу.

Не успела Анна Васильевна опомниться, как вновь раздался оглушительный взрыв. Где-то совсем близко взорвалась вторая фугасная бомба.

Дом задрожал, и каменная громада, висевшая над подвальной лестницей, обрушилась, закрывая послед-

ний проход. Анна Васильевна вздрогнула, но сейчас же справилась с собой.

— Немедленно позвонить в роту, — приказала она связному, — вызвать аварийный взвод!

Связной бросился исполнять приказание.

Через несколько минут в переулок с грохотом ворвалась грузовая машина. Из нее выскочили бойцы аварийного взвода.

Анна Васильевна показала им заваленный проход.

— В конце подвала бомбоубежище. Дверь придавило. Там люди, все живы, — объяснила она.

Командир аварийного взвода, молодой инженер-горняк, внимательно ее слушал.

— Понятно! — коротко сказал он и, повернувшись к своим бойцам, отдал приказ.

Десятки ломов ударили в осевшую стену. Бойцы начали быстро восстанавливать заваленный проход. В прорытое отверстие вставляли подпорки, чтобы все вновь не обвалилось, и, укрепив своды, расчищали путь дальше.

Проход был восстановлен.

Командир взвода и четверо бойцов осторожно спустились вниз, подошли к запертой двери.

Командир постучал.

— Ждем, ждем! — радостно закричали изнутри.

Четыре лома ударили в дверь. Дверь подалась, и через минуту освобожденные люди уже выходили из-под разрушенного дома. Все были невредимы: крепкие своды бомбоубежища спасли их от гибели.

В РАЗРУШЕННОМ ДОМЕ

Пока работал аварийный взвод, Анна Васильевна со своими бойцами обходила здание, тщательно осматривала квартиры и все закоулки дома, отыскивая пострадавших.

Они заходили в полуразрушенные опустевшие комнаты: всюду нелепо торчала опрокинутая взрывом мебель, стеклянная посуда, лампы, зеркала были разбиты вдребезги, осколки хрустели под ногами.

В одной комнате лежала упавшая набок детская кроватка, тут же на полу валялась разбитая тарелка с недоеденным ужином. А в углу как ни в чем не бывало восседал на детском стульчике большой плюшевый медведь. Он удивленно глядел своими черными стеклянными глазами в выбитое окно и, казалось, недоумевал, что же случилось.

Это была детская. Всего несколько часов назад здесь ужинал ее маленький обитатель и, наверное, угощал своего приятеля мишку, и вот теперь мишка остался один. А где же его товарищ? Жив ли он, вернется ли когда-нибудь в эту комнату?

Анна Васильевна вспомнила о своем Володе. Сидит теперь, бедный, с бабушкой в бомбоубежище, наверное боится. Ей сделалось не по себе, и она поскорее вышла из этой комнаты.

В другой квартире прямо у двери она наткнулась на что-то большое, мягкое. Анна Васильевна осветила и чуть не вскрикнула: на полу, уткнувшись мордой в передние лапы, лежала большая собака. Ее убило взрывом. Верный сторож умер на своем посту.

Бойцы тщательно осмотрели почти весь дом. К счастью, он был пуст. Все жители во-время скрылись в бомбоубежище.

Оставалось обойти только дальнюю, наименее пострадавшую часть дома.

Анна Васильевна уже заканчивала осмотр, как вдруг она услышала тихий стон. Вновь начались поиски.

В одной из уцелевших комнат при свете фонарика увидели женщину. Она лежала на диване и тихо стонала. Женщина, видимо, была контужена взрывом бомбы.

Она была без сознания. Ее бережно положили на носилки и вынесли из дома.

Анна Васильевна начала приводить в чувство пострадавшую.

Вскоре та пришла в себя, села на носилках и, испуганно озираясь, прошептала:

— Где мой мальчик? Он пришел? Где он?

Анна Васильевна постаралась ее успокоить. Больная пришла в себя и с недоумением оглянулась кругом.

Ей рассказали, что случилось.

— Он убит... мальчик мой...

— Какой мальчик? — с участием спросила Анна Васильевна. — Он, наверно, был в бомбоубежище.

— Нет, нет, — застонала больная. — Я потому и не пошла в убежище, я все его ждала... сына... Он с вечера ушел и не вернулся.

Проговорив это, она зарыдала.

— Ну, успокойтесь, успокойтесь, наверно он жив... может, задержался где-нибудь... — говорила Анна Васильевна.

— Нет, нет, — в отчаянии твердила женщина, — где же он мог быть всю ночь? — И она вновь заплакала.

— Послушайте,— сказала Анна Васильевна, — у меня тоже сын... Я помогу вам найти вашего мальчика.

Она вынула из блокнота лист бумаги и карандаш.

— Вот мой адрес. Приходите ко мне сегодня же. Командир роты обещал отпустить меня домой. Мы обязательно его разыщем.

ВОЛОДЯ ПРОПАЛ

Работа санитарной роты в очаге поражения была закончена. В соседних домах оказалось трое легко раненных. Им оказали первую помощь и отправили на ближайший перевязочный пункт.

Вместе со своим взводом Анна Васильевна на грузовике возвращалась обратно в роту и с радостью думала, что сможет лечь отдохнуть. Только теперь она почувствовала, как переволновалась и устала за ночь.

Уже начинало светать, когда проезжали через площадь. Радио громко возвестило:

— Угроза воздушного нападения миновала. Отбой!

«Сейчас же позвоню домой, — подумала Анна Васильевна, услышав радио. — Как-то мой Володечка,

бабушка?.. Наверное, перетрусили за ночь в убежище».

Приехав в школу, она тут же побежала к телефону.

— Ну как вы ночь провели, как Володя? — спросила Анна Васильевна у бабушки.

— Да разве не у тебя Володя? — испуганно проговорила бабушка — Ведь он еще с вечера к тебе убежал...

Анна Васильевна уронила трубку.

— Что с вами, товарищ? — с беспокойством спросил, проходя мимо, командир роты.

— У меня пропал сын, — тихо ответила Анна Васильевна. — Разрешите мне пойти домой... — Она не договорила.

— Идите, сейчас же идите! Я не только разрешаю, я вам это приказываю, — сурово проговорил командир.

И когда Анна Васильевна пошла, крикнул ей вслед уже совсем другим голосом:

— Да не горюйте, Анна Васильевна! Все обойдется.

Но она его уже не слышала. Опрометью выбежала из здания школы и что было сил пустилась домой.

«Куда же... куда же он мог деваться? — мысленно повторяла она. — Не попал ли под автомобиль? Может, лежит где-нибудь раненный?..» Одна картина ужаснее другой проносилась в голове, и она невольно вспомнила ту несчастную мать. Обе они потеряли своих детей.

Наконец Анна Васильевна добежала до своего дома. Позвонила. Отперла бабушка. Глаза ее были красные от слез.

— Ну как, не пришел? — быстро спросила мать.

Бабушка покачала головой.

Они вошли в квартиру. Анна Васильевна огляделась и невольно вздрогнула: в углу на диване тоже сидел плюшевый мишка. Он живо напомнил ей опустевшую детскую комнату в разрушенном доме.

Анна Васильевна подошла к телефону и уже хотела звонить в ближайшее отделение милиции, но в это время в прихожей послышался звонок.

Анна Васильевна бросилась открывать дверь.

— Пришел, пришел! — раздался ее радостный крик.

Через секунду все трое уже сидели на диване, и Володя срывающимся от волнения голосом рассказывал о своих приключениях.

ЧТО С НИМ СЛУЧИЛОСЬ

Когда Володя потерял товарища и побежал обратно к площади, он чуть не наткнулся на милиционера. Хотел бежать дальше, но милиционер поймал его за плечо.

— Ты куда, малыш?

— Я к маме.

— А где мама-то?

Володя сказал адрес школы.

— Нет, милый, — покачал головой милиционер, — до мамы далеко бежать, идем-ка лучше со мной.

Володя струсил.

— Я правда же к маме...

— Верю, верю, только в тревогу бегать нельзя, еще убьют. Идем, не бойся. Кончится тревога, тогда побежишь. — И, взяв Володю за руку, он пошел с ним по тротуару.

Володя молчал и с тревогой думал: куда его теперь ведут? А как же мама, бабушка? Ведь они, наверное, давно хватились его.

Милиционер с Володей остановились у входа в метро, где толпилось много народу. Все торопились войти внутрь.

«Ах, мы, значит, к маме в метро поедем, — обрадовался Володя, — ведь ее школа рядом со станцией».

В метро было очень тесно. «Наверное, все спешат ехать домой, — думал Володя. — Только почему никто не берет в кассе билетов и контролеров нет?»

Милиционер провел Володю в подземную станцию, где тоже была масса народу.

Тут творилось что-то необычное. Люди не стояли в ожидании поезда: одни сидели на деревянных

скамейках, другие, разложив газеты, сидели прямо на полу. Почти у всех были с собой какие-то вещи, узелки. Все старались устроиться поудобнее, как будто пришли сюда надолго или собираются ночевать. Некоторые тут же разложили еду и закусывали.

Пройдя дальше, Володя увидел, что много людей сходят по лестнице прямо на рельсы и уходят в тоннель.

Володя решил, что и они пойдут по рельсам до маминой остановки. Что же, это очень интересно — прогуляться под землей по тоннелю, там, где всегда несутся подземные поезда.

Но итти по тоннелю Володе не пришлось. Милиционер увидел какую-то женщину в форме. Он подозвал ее и указывая на Володю, сказал:

— Товарищ дежурная, вот мальчик, был один на улице. Отведите в дежурную, а после тревоги отправим домой. Адрес свой он знает. — И, поручив Володю дежурной, милиционер быстро ушел.

— Ты, что ж, от мамы отстал? — спросила дежурная и погладила Володю по голове.

Вместо ответа Володя попросил:

— А можно и мне по рельсам пешком к маме итти, как все идут?

Дежурная засмеялась.

— Нет, милый, это они не домой идут, а просто, чтобы на станции тесно не было, народ по всему метро пустили. Будут сидеть в метро до окончания тревоги. Никого на улицу не выпустят.

— А зачем же все сюда пришли? — спросил Володя.

— В тревогу метро служит бомбоубежищем. У нас дежурная комната есть, я тебя сейчас туда и отведу, там с ребятишками посидишь.

Когда они вошли в небольшую комнату, Володя огляделся и вскрикнул от удивления и радости: за столом, среди чужих ребят, сидел его новый товарищ Коля.

Приятели снова встретились. Им было не до сна, они проболтали всю ночь.

ВСЕ ВМЕСТЕ

Володя долго рассказывал о своих приключениях. Наконец бабушка спохватилась, что давно пора завтракать, и отправилась на кухню, а мама начала стелить постели.

В это время позвонили.

— Кто бы это мог быть? — удивилась Анна Васильевна и пошла в переднюю.

— Как замечательно!.. Идите, идите сюда! — радостно заговорила она, встречая кого-то. — Вот видите, как хорошо, как все хорошо! И ваш сын нашелся.

Вслед за Анной Васильевной в комнату вошли какая-то женщина и мальчик.

— Ну, ребятишки, познакомьтесь, — весело сказала Анна Васильевна.

Мальчик исподлобья взглянул на Володю, Володя взглянул на него, и оба разом закричали:

— Колька!

— Вовка!

И бросились друг к другу.

Бабушка принесла завтрак, и все уселись за стол.

— Как вы хорошо сделали, что пришли к нам, — сказала Анна Васильевна Колиной маме.

— Да как же не поделиться своей радостью! — ответила та. — После вчерашней ночи вы мне самый большой друг... — Голос у Колиной мамы дрогнул, она встала, обняла Анну Васильевну, и они расцеловались. На глазах матерей были слезы.

Ребята переглянулись. Только тут они поняли, сколько обе матери и бабушка пережили из-за них в эту страшную ночь.

За столом разговор зашел о близком отъезде Володи и бабушки из Москвы. Оказалось, что и Колина мать собирается отправлять сына. К великой радости ребят, матери договорились отправить мальчиков вместе.

В передней снова раздался звонок, и Володя побежал открывать.

— Ну, пришел ваш сорванец? — послышался зна-

комый голос, и в комнату вошел дядя Ус. Правая рука его была забинтована, на перевязи и лицо немножко осунулось, но вид он имел такой же бодрый и решительный, как всегда.

— Что это у вас с рукой? — спросила его Анна Васильевна.

— Так, пустяки, поцарапал вчера, — небрежно ответил дядя Ус и с грозным видом посмотрел на Володю. — Что, бездельник, по улицам шатаешься? — напустился он на него. — И так половина проворных эвакуировалась. Тревога, в убежище за порядком следить надо, а тебя и след простыл... — Дядя Ус махнул здоровой рукой. — Эх ты, проворный!

Володя смутился.

— Ну, уж ладно, — сказал дядя Ус, — первая вина прощается, а теперь живо у меня — марш за работу! Меня из-за этой царапины со службы отпустили, — добавил он, указывая на перевязанную руку, — время терять нечего...

Бабушка взмолилась:

— Да Володечка сегодня ночь не спал, переволновался.

— Ночь не спал, ночью и выспится, — ответил дядя Ус. — А это еще что за воин? — указал он на Колю.

— Это мой товарищ, только не из нашего двора.

— Все равно мобилизую, — и дядя Ус обратился к Коле: — Ты, я вижу, боевой. Хочешь с нами убирать поле сражения, а?

— Хочу! — крикнул Коля, вскакивая со стула.

Через полчаса «проворные» во главе с дядей Усом уже сгребали рассыпанный по двору песок, носили воду и приводили в порядок после ночной бомбежки свою «крепость» — свой дом.

Цена 1 р. 20 к.